

ВАДИМ ФЕДОРОВ

ИМЕНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Федоров

Имена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68977020

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник рассказов на тему войны полов и не только. Каждое имя – это чья-то история, чья-то судьба, переплетённая с другими судьбами.

Содержание

Алина	4
Алла	11
Андрей	28
Анна	42
Аня и Ваня	50
Валя	56
Василий	70
Галина	75
Зденка	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Вадим Федоров

Имена

Алина

Она не торопясь оделась. Смущаясь, попросила застегнуть ей лифчик. Саша застегнул. Но при этом не удержался и поцеловал её. В шею. И процесс застёгивание лифчика растянулся минут на двадцать. Застегнули общими усилиями. Алина оттолкнула Сашу и в очередной раз напомнила: мне на работу.

– Да, да. Я знаю, – отозвался он, – я помню. Я всё помню.

Он застегнул джинсы, надел рубашку. Потянулся вновь к Алине. Но она его остановила.

– Мне на работу, правда.

– Да, да. Конечно, – вновь повторил он, – но ты же вернёшься?

– Конечно, вернусь, – улыбнулась она, – у меня там на два часа всего. Сдам, что обещала, и вернусь.

– Я буду ждать, – сказал он, – буду сидеть у окошка и ждать тебя.

– Жди, – опять улыбнулась она, – я же обещала, что вернусь. Или, может, завтра? Мне далеко ехать.

– Нет, ты обещала сегодня, – не сдавался Саша, – ты ска-

зала, что приедешь сегодня ко мне опять.

– Но я вернусь только в час ночи, милый, – провела Алина по его щеке.

– Я дам тебе ключи, я буду ждать, – как попугай повторил он, – я буду ждать.

А сам подумал: «По-моему, я влип. По-моему, я влюбился в эту девчонку. Блин. Точно».

А она улыбнулась, коснулась губами его губ и сказала: я приеду.

Саша вызвал такси. Весёлое такси. Продиктовал адрес. Сказали, через 10 минут белая Шкода Октавия будет на месте.

Вышли. Сентябрь. Днём было тепло, бабье лето. А вечером уже всё. Осень. Холодновато.

Он по-гусарски снял пиджак, накинул Алине на плечи. Та благодарно улыбнулась.

Такси подъехало точно в срок. Остановилось на обочине, включив аварийку. Саша подошёл, поздоровался с водителем. Тот рассеянно ответил, что-то отстукивая на телефоне.

Саша открыл заднюю дверь. Задержал Алину, поцеловал.

– Я буду ждать тебя, я не буду ложиться.

– У окошка? – спросила она. – Будешь сидеть и смотреть на тёмную улицу?

– Буду сидеть и смотреть, – кивнул он, – позвони, как обратно будешь ехать.

– Обязательно.

Она села на заднее сиденье. Отдала пиджак. Он захлопнул дверь. Отошёл на дорожку, помахал рукой. Машина медленно отъехала от обочины и покатила к перекрёстку. Саша обернулся и сделал пару шагов к дому.

И вдруг сзади как будто что-то взорвалось. Визг тормозов и шум удара. Зазвенело стекло. Кто-то закричал.

Александр повернулся и побежал к перекрёстку. Что там произошло, не было видно. Мешали деревья. Ломанулся через кусты, растущие вдоль дороги. Ободрал щеку веткой, порвал рубашку. Выскочил на перекрёсток. Светофор мигал жёлтыми огнями. Посередине стоял микроавтобус с вмятой правой пассажирской дверью. Шкода стояла чуть дальше, пугающе тёмная. Переда у неё не было. Бампер, части мотора и радиатор валялись на проезжей части.

Александр остановился. Стало тяжело дышать. Время замедлило свой бег. Было такое впечатление, что пустили киноплёнку в замедленном темпе.

Он сделал пару шагов к перекрёстку. Увидел, как из микроавтобуса из бокового окна вываливается водитель, держась за голову. Водитель Шкоды застыл за рулём, уткнувшись в уже опавшую подушку безопасности. Было видно, что он мёртв. Лобовое стекло отсутствовало.

Александр обошёл машину. Увидел Алину. Это она своим телом выбила лобовое стекло, вылетев с заднего сиденья. Клик-клик – мигал светофор, на несколько мгновений раскрашивая всё вокруг в жёлтый цвет.

Ноги Алины были неестественно повёрнуты, под телом растекалась кровь. Она лежала на спине, осыпанная битым стеклом. Александр подошёл к ней. Не доходя несколько шагов, сел, опустился на карачки и подполз к девушке. Клик-клик – щёлкал светофор. Жёлтый – тёмный, жёлтый – тёмный.

Алина была жива. Глаза широко распахнуты, частое хриплое дыхание. Правая половина лица синего цвета. Платье задрано. Белые трусики мокрые и испачканы чем-то чёрным. И правое бедро в этом чёрном. И кровь. Кровь на блузке, на руках. Правая ступня смотрит в сторону, на месте изгиба прямо на глазах набухает синяя шишка.

Александр хотел одёрнуть платье, прикрыть её ноги. Но остановился. «Нельзя трогать», – промелькнуло в голове. Надо ждать скорую.

Достал телефон, позвонил. Назвал адрес. Собственный голос звучал откуда-то издалека. Уши болели. Время текло медленно.

Алина увидела его. Глаза её повернулись в его сторону. Попыталась повернуть голову, но не смогла.

– Сейчас, сейчас, сейчас, – заговорил он, стоя около неё на карачках, – скоро приедут. Всё будет хорошо.

Алина захрипела.

– Не умирай! – заорал вдруг Александр. – Не умирай. Не надо.

Кто-то пробежал мимо, кто-то остановился рядом.

– Молодой человек, вы ранены? – спросили. – У вас кровь на лице.

– Я о кусты оцарапался, – не отводя взгляда от Алины, сказал он.

Протянул руку, прикоснулся к её ладони. Маленькая ладошка, которая ещё час назад гладила его по спине, была холодной. Жёлтый – тёмный, жёлтый – тёмный, клик-клик – мигал светофор. Александр подвинулся ближе к Алине. Обхватил её ладонь своими руками, пытаюсь согреть.

– Не умирай, – попросил тихо, – не надо. Они сейчас приедут. Не умирай только.

Девушка смотрела на него, часто дыша. Из её глаз текли слёзы.

– Я по главной ехал, по главной... – раздалось рядом.

Это был водитель микроавтобуса. Он сидел около своей разбитой машины и, как заведённый, повторял про главную дорогу.

– Я по главной ехал. А шкодовка наперерез. Я затормозить не успел. Я по главной ехал. Я даже подумать не мог. А этот даже на дорогу не смотрел. Я видел сверху, что у него телефон в руках. Я по главной ехал. Я по главной ехал...

Хотелось встать и ударить водителя. Чтобы он заткнулся. Но Александр боялся отпустить холодную ладошку. Он гладил её и смотрел в глаза своей девушки.

– Не умирай, – просил, – только не умирай.

Алина вдруг дёрнулась, дыхание её стало ещё более быст-

рым. Зрачки медленно поползли вверх под веки.

– Нет! – страшно закричал Александр. – Не надо!..

Он склонился к её лицу. Веки у Алины задрожали. Зрачки остановились на мгновение, словно решая, нырять под эти самые веки или вернуться на место. Но потом вдруг рванули вверх. Глаза закрылись. Тело девушки дёрнулось, и она затихла. Она не дышала.

Александр отпустил ладошку. Сел рядом, прямо на грязный асфальт и битое стекло. Жёлтый – тёмный, жёлтый – тёмный, клик-клик.

Вдалеке надрывалась сирена. Всё громче и громче. Всё ближе и ближе.

– Быстро приехали, – сказал ставший уже знакомым голос.

Скорая и полиция приехали почти одновременно. Александра отвели в сторону от трупа. Накрыли Алину чёрным мешком.

Какой-то усталый человек в штатском взял у Александра номер его телефона и адрес. Санитар со скорой обработал царапину на щеке. Всё было как-то долго и неправильно. Подъехала труповозка. Санитары деловито упаковали трупы в мешки и погрузили их в машину.

Светофор щёлкал жёлтым. Клик-клик, клик-клик.

Саша шатаясь, будто пьяный, вернулся домой. Зашёл в квартиру, прошёл на кухню.

На столе лежала заколка Алины. Стояла её кружка с недопитым чаем. Казалось, что она скоро вернётся, как и обеща-

ла.

Он сел за стол. Посмотрел в окно.

Улица была пустынна. Где-то поодаль стояли две разбитые машины. И мерцал светофор. Но из окна этого не было видно.

– Не умирай, – сказал он в пустоту.

Алла

У Аллы было всё, о чём можно мечтать: муж, двое сыновей, трёхкомнатная квартира в Заречном районе и даже небольшая дачка за городом. И всё было хорошо до тех пор, пока мужа не сократили – вместо токаря на местном машиностроительном заводе Гриша стал временно безработным.

Потунеядничав пару месяцев, Гриша вместе со своим приятелем Андреем рванул на заработки в Англию, правда, не токарем, а сварщиком. Поехал он по туристической визе на неделю, а остался на берегах туманного Альбиона на целый год, раз в несколько дней выходя на связь через скайп.

Спустя год Гриша вернулся с подарками, заработанными деньгами и фальшивыми документами на имя Гэлла Фишера. На заработанные деньги Алла с Гришей купили двухкомнатную квартиру в соседнем доме – хоть и второй этаж, но с балконом и огромной прихожей. Купили на будущее. Для сыновей.

Погостив дома две недели, Гриша вернулся в Англию, зарабатывать деньги дальше, а Алла пошла на курсы маникюра. Дети выросли: старший готовился к поступлению в местный филиал аграрного университета, младший пока учился в школе. Купленную квартиру сдали.

Курсами маникюра руководил, как ни странно, мужчина. Высокий, красивый, лет пятидесяти. Звали его Михаил Его-

рьевич. После второго или третьего занятия он подошёл к Алле и прямо предложил попить кофе у него в кабинете.

– Я замужем, – просто ответила Алла, мило улыбнувшись.

Как бы там ни было, но ей польстило внимание такого красавца.

– Так мне доложили, что муж у тебя, Алла, где-то в соседней стране затерялся, – улыбнулся в ответ Михаил Егорьевич.

– Деньги для семьи зарабатывает, – ответила Алла и опять улыбнулась.

– Мы взрослые люди, – продолжил дуэль улыбками Михаил Егорьевич, – давай напрямую, без вот этих вокруг да около. Он раз в год к тебе приезжает. А годы уходят. Да и никто не узнает, это я гарантирую. Никто и никогда.

– Как – никто не узнает? – удивилась Алла. – А я-то знать буду.

– И что с того? – не понял Михаил Егорьевич.

– Мы взрослые люди, – повторила слова Михаила Егорьевича Алла, – я не ребёнок с короткой памятью и буду помнить, что изменила мужу. Меня совесть замучает. Да и не заслужил он такого отношения. У нас двое детей с ним.

– М-да, логика железная, – улыбка Михаила Егорьевича, словно не выдержав соревнования, угасла, – завидую я твоему мужу.

И он, развернувшись, пошёл в свой кабинет пить кофе в одиночестве.

Алла выучилась на курсах и устроилась на работу к своей подруге Оксане, недалеко от дома. Салон красоты, принадлежавший подруге, назывался «Греческая смоковница».

Грек в салоне был – шестидесятилетний парикмахер, единственный мужчина в их коллективе. Имя у грека было чудное – Карп, но называли его все Карпуша. Остальными работниками были женщины: ещё парочка парикмахеров, две маникюрщицы, массажистка и диетолог.

Диетолог Соня была женщиной под полтора центнера весом, с круглым, как мячик, телом и такой же круглой головой. Как при такой комплекции она умудрялась впихивать доверчивым тёткам различные гербалайфы, оставалось загадкой. Но торговля у неё шла бойко.

Свободного места для ещё одного маникюра не нашлось, поэтому Оксана предложила Алле заняться педикюром.

– Да я на это не училась, – попробовала возразить Алла, – я не умею.

– А чего тут уметь? – удивилась Оксана. – Те же самые ногти, только на ногах, а не на руках. Мне тут вьетнамцы кресло подогнали с массажем. И платят за ноги больше. Научишься.

Алла вздохнула и согласилась. Правда, оказалось, что отличие между руками и ногами всё-таки существует. Но Алла справилась. Помог интернет и Михаил Егорьевич, который провёл с ней несколько дополнительных занятий по педикюру. С Аллой после памятного разговора он был предельно

вежлив и корректен.

А Гриша приехал на побывку спустя десять месяцев на почти новой «Шкоде» и с небольшим количеством денег.

– Без машины в Англии ни туда ни сюда, – объяснил он Алле, – пришлось вложиться. Зато дизель. И багажник – мечта оккупанта. Поросёнка можно засунуть.

– А зачем в багажник поросёнка засовывать? – спросила Алла.

– Незачем, – кивнул головой Гриша. – Да не морочь мне голову каким-то поросёнком! Я с работы специально отпросился, через всю Европу ехал. Дело очень важное у нас с тобой. Тут.

– Какое? – почему-то испугалась Алла.

– Развестись нам надо, – глядя куда-то за плечо Аллы, сказал Гриша, – я уже договорился с нашим РАГСом. Там, оказывается, родственница твоя работает. За кругленькую сумму оформят за два дня.

Ноги у Аллы стали ватными, она тяжело вздохнула и села на вовремя подвернувшийся стул.

– А зачем разводиться? – спросила она мужа. – Ты меня бросаешь?

– Прошёл слух, – всё так же глядя куда-то за Аллу, продолжил Гриша, – что в следующем году будет амнистия для нелегалов. И если человек без семьи, то ему гражданство дадут. Если он докажет, что больше года жил и работал в Англии.

– А разводиться обязательно? – еле слышно спросила Алла.

– Обязательно, – кивнул Гриша, – семейных вышлют на материк. На историческую родину.

– Так у тебя же там вроде документы английские, – напомнила мужу Алла, – на этого, на Фишера. Ты же говорил, что они, как настоящие, и отличить никто не сможет.

– Это да, – Гриша наконец-то посмотрел Алле в глаза, – но я не хочу называться каким-то там Рыбаковым. Я хочу носить свою настоящую фамилию. И детей потом туда перевезти, и тебя. Это же я всё не для себя делаю – для вас. Там – настоящая жизнь. Образование. Цивилизация. И денег заработать можно в несколько раз больше, чем тут.

– Тебе виднее, – сказала Алла, – только у нас же дети несовершеннолетние.

– Я же сказал, что всё решил, – рассердился Гриша, – там нас уже ждут. Всё схвачено и уплачено.

На следующий день они поехали в местное отделение РАГСa. Алла расписалась, где было положено расписаться, и получила на руки свидетельство о разводе. Гриша уехал в свою Англию на следующий день, хотя обещал побыть ещё неделю.

– Работы много, – сказал он на прощанье, – платят хорошо, но и пахать приходится. Я в ближайшее время, наверное, на судостроительный завод переберусь. Там вообще красота.

– Гриша, может, ну её, эту Англию? – спросила Алла,

вздыхая. – Мальчишкам отец нужен, а мне муж. Всех денег не заработаешь.

– Заработаю! – рассмеялся Гриша. – Вот заработаю и вас к себе возьму. Там хоть и погода – дрянь, зато уровень жизни совсем другой. Не то что тут.

Про развод Гриша больше не вспоминал, будто его и не было.

Алла погрустила несколько дней и постепенно втянулась в привычный жизненный круговорот. Утром – подъём. Завтраки для сыновей. Проконтролировать, чтобы никто ничего не забыл в школу. Приготовить обед. Спрятать его в холодильник. Потом, к десяти, на работу – приводить в порядок ноги местных женщин. После работы – домой. Телевизор. Ужин. Сон.

Так продолжалось три или четыре месяца, пока однажды в «Греческую смоковницу» не зашла весёлая дама с ярко-рыжими волосами. Даму звали Света, и она была подругой одной из работниц их салона красоты, Валерии.

– Ой, как здорово! – увидев педикюрное кресло, воскликнула Света. – А можно одновременно и на руках, и на ногах коготки сделать?

– У тебя как со временем? – спросила Валерия у Аллы.

– Как раз окно на час, – ответила Алла, – заболела клиентка, так что можем в четыре руки поработать.

Свету усадили в кресло. Валерия принялась обрабатывать руки клиентки, а Алла взялась за ноги.

Болтала Света без умолку. За десять минут все присутствующие узнали, что Свете 35 лет, она местная, что у неё нет мужа и детей, но она хочет и того, и другого – но мужа богатого, а детей максимум двух.

– Так что же ты в Англии не нашла себе жениха? – поддела подругу Валерия. – Отхватила бы себе сэра или пэра.

– Да пипец! – махнула свободной рукой Светлана. – Сэры и пэры там в центре тусуются, а я работала на окраине. Гостиница – две звезды и три заплатки. Целый день номера убираешь, убираешь, убираешь, убираешь. Вечером уже никакого ни сэра, ни пэра не надо.

– А чем сэр от пэра отличается? – подал голос стригший рядом Карпуша.

– Эх, темнота! – усмехнулась Света. – Пэр – это маркиз или граф, а сэр – это рыцарь. Может быть, и бедный, а может, и богатый. Только, я же говорю, в нашем захолустье обычные люди жили. Такие же трудяги.

– Ну и выбрала бы себе кого из работяг, – не унималась Валерия, – английский-то работяга по-любому лучше нашего.

– Аха, ща! – Света от возмущения аж дёрнула ногой, и Алле пришлось вернуть беспокойную ногу на место. – Там мужик нынче пуганый пошёл. Пипец, насколько пуганый. Переспать всякий готов, а как жениться, так сразу рожу кирпичом и знать тебя не знает. А я не такая, чтобы из койки в койку прыгать. Да и после уборки номеров уже никакого

мужика не надо. Лишь бы до дома доползти и спать лечь.

– А правда, что англичанки некрасивые? – опять подал голос Карпуша.

– Пипец, какие некрасивые! – подтвердила Света. – Не, есть, конечно же, и симпатичные тётки, но в массе своей – страшные, как моя жизнь, и одеваются чёрт знает во что, и ленивые. Но англичане почему-то на них женятся.

– Почему? – спросила Валерия.

– Менталитет одинаковый, – ответила Света, – а это пипец, как важно. Ты же не будешь с человеком целый день только спать. Надо же и поговорить. Обсудить, кто в футболе первое место занял, погода какая, как себя королева чувствует. Жизнь – это же такая штука, она не из одних оргазмов состоит.

Все, находившиеся в «Греческой смоковнице», засмеялись.

– Прекрати, – попросила Валерия, – а то я тебе сейчас палец отрежу.

– Не надо мне палец резать, – придурочно заголосила Света, вызвав ещё более сильное веселье у присутствующих, – чем я в носу ковыряться буду?

Алла вытерла Светины ступни и принялась счищать ороговевшую кожу с подошв.

– В общем, всё с вами ясно, – подытожила Валерия, – в Англии секса нет, как и в СССР в своё время.

– Секс везде есть, – не согласилась Света, – просто на-

род по интересам разбивается. Богатые к богатым, бедные к бедным. Англичане к англичанкам, а украинцы к украинкам. Вот я комнату с товаркой снимала – Настя, из нашего района девка, тридцати нету. Полгода прожила и съехала – мужика себе нашла. Мне потом два месяца пришлось одной за комнату платить.

– Англичанина нашла-то? – спросила Валерия. – Сэра или пэра?

– Да куда там! – ответила Света. – Если бы сэра, а так нашего же! Из нашего города, сварщиком на заводе работает. Представляешь? В Англии из всех мужиков нашла именно нашего и именно из нашего района.

– Ну, зато им поговорить есть о чём, – подал голос Карпуша, – о погоде, о посевной.

– Да мне как-то всё равно, о чём они там разговаривают, – внезапно рассердилась Света, – мне из-за этой козы два месяца пришлось двойную плату за хату вносить, пока я другую девочку на её койку не нашла. Пипец! Тут каждый фунт считаешь, а эта взяла и усвистела. Даже не предупредила.

– Так может, у них любовь? – попробовала защитит неизвестную Настю Валерия.

– Да какая такая любовь? – возмутилась Света. – Блядство у них, а не любовь. Ты, пипец, как что скажешь! Мужика-то она себе нашла женатого. Прикинь! Из нашего города, на заработки поехал. Уже три или четыре года работает вдали от семьи. Жена у него – красавица. Ну, реально красавица, ка-

ких мало. Двое сыновей. А он, пипец, на эту лахудру молодую позарился. Она с него тянет и тянет, тянет и тянет, а тот и для детишек что-то пытается заработать и на Настю ещё тратится. По две смены заколачивает.

В «Смоковнице» внезапно стало тихо. Лишь был слышен визгливый голос Светки, гневно обличающей свою бывшую соседку по комнате.

Алла втёрла в ноги Светы крем, вытерла их насухо. Поднялась.

– А мужика этого, случайно, не Гришей зовут? – спросила она у Светы.

– Да, Гриша, – радостно оскалилась Света, – а Вы его знаете?

– Очень близко знакома, – ответила Алла. – И большое Вам спасибо за комплимент! Приятно, когда тебя считают писаной красавицей. И вот что ещё. У Вас на левой пяточке шпора намечается. Вы бы поменяли обувь на более мягкую.

– Пипец... – внезапно хриплым голосом сказала Света, осознав, кто стоит перед ней.

– Да, причём полный, – ответила Алла и ушла в подсобку.

На счастье, её никто не беспокоил. Все сделали вид, что ничего не произошло. Но разговоров в «Смоковнице» стало меньше, и все старались не встречаться с Аллой взглядом.

Алла обслужила ещё двух клиентов и ушла домой. Дома она долго сидела у окна и глядела куда-то вдаль. Она не плакала, не билась в истерике, а просто сидела и смотрела в ок-

но. Лишь в груди что-то болело: то ли сердце, то ли душа.

Грише и сыновьям она ничего не сказала. Да и общение с Гришей через интернет вдруг стало редким и коротким – раз или два в месяц. Он вечно куда-то спешил: то на работу, то в магазин.

Приехал он через полгода после того, как Алла узнала про его измену. Ввалился в квартиру с подарками, чмокнул Аллу в щёку, обнял сыновей. Те схватили два новых ноутбука и убежали в свою комнату распаковывать дорогие подарки.

Алла налила борща бывшему мужу. Сама села напротив.

– Ну, как вы тут? – весело начал было разговор Гриша. – Ремонт надо бы сделать, а то этим обоям уже сто лет в обед. Я вечером смотаюсь в соседний город. У меня там знакомый. Хозмагазин у него.

– Я всё знаю, – подперев рукой голову, сказала Алла.

– Что «всё»? – не понял Гриша. – Про знакомого? Или про обои?

– Про Настю, – ответила Алла.

– Откуда? – удивился Гриша.

– Так весь город уже знает, – вздохнула Алла, – на всех перекрёстках с подробностями рассказывают. Прямо хит сезона!

– Вот сволочи! – возмутился Гриша. – Ну что за люди? Только и умеют, что языками трепать.

– Да, мне было очень неприятно это узнать, – согласилась Алла, – но уже ничего не поделаешь. Ты детям объясни, по-

жалуйста, поделикатнее, что мы с тобой больше не живём вместе.

– Хорошо, – согласился Гриша, – так может, давай я тебя со своей Настей познакомлю?

– Зачем? – удивилась Алла.

– Ну, как зачем? – в свою очередь удивился Гриша. – Вроде как не чужие люди. Я о тебе Насте только хорошее рассказывал: какая ты у меня рукодельница, и что готовишь вкусно, и что двое детей у нас.

– Не надо знакомиться, – попросила Алла, – ты лучше оформи на меня двухкомнатную квартиру, которую мы в прошлом году купили. Я там буду жить. А эту трёшку – на детей. А с Настей ты ещё зарабатываешь. У меня возраст уже, замуж вряд ли кто-то возьмёт. Останусь без кола и двора. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Гриша, – как скажешь. Я так рад, что ты не скандалишь, не ругаешься. Я тогда поеду к Насте. Она ждёт.

– Езжай, – махнула рукой Алла, – езжай, раз ждёт.

Гриша потоптался у порога, повздыхал.

– Это... – на прощанье сказал он. – Настя беременна. Пятый месяц.

– Поздравляю, – сказала Алла, – совет вам и любовь. Иди, Гриша. У меня дел полно.

И Гриша ушёл.

Своё обещание он сдержал: через каких-то своих знако-

мых оформил двушку на Аллу, а в трёхкомнатную прописал Настю. После чего с Настей отбыл в Англию – дальше зарабатывать деньги уже для новой семьи.

Но тут везение Гриши закончилось. На границе Украины с Польшей паспорт, по которому последние несколько лет Гриша мотался туда и обратно, вызвал подозрение у бдительного польского пограничника. Даже не сам паспорт, а то, что Гэлл Фишер говорит на английском с чудовищным акцентом и что подруга этого самого Фишера называет его Григорием.

Пограничник не поленился – послал запрос по паспорту и через 15 минут получил ответ, что настоящему Фишеру 94 года и что в данный момент он находится у себя дома, а не на пограничном переходе с беременной подругой.

Гришу и Настю арестовали, посадили в кутузку на пару дней, а потом депортировали обратно. На Украину. Так что Алле срочно пришлось собирать вещи и переезжать в своё новое жильё, а Насте – размещаться в трёхкомнатной квартире вместе с Гришиными и Аллиными сыновьями.

Дети отреагировали на все эти рокировки сдержанно. У старшего была сессия, а у младшего случилась любовь. Так что переезд мамы в соседний дом и появление в их квартире беременной мачехи они восприняли спокойно. По крайней мере, внешне.

А Алла обустроила своё новое жильё. Вместе с сыновьями поклеила обои, побелила потолок и покрасила двери. Купила себе новую мебель на заработанные на педикюре деньги.

Повесила новые занавески.

Она по-прежнему ходила на работу в «Греческую смоковницу». У неё образовалась постоянная клиентура, так что работы хватало. А после работы шла домой, готовила себе ужин и смотрела телевизор.

Так прошло ещё несколько месяцев. Пока однажды в пятницу вечером Алла не обнаружила в квартире на столе груды каких-то коробок. Ключи от квартиры были только у неё и у сыновей, поэтому-то она и позвонила старшему.

– Это папа гараж разбирает и сказал тебе отнести, – ответил сын, – какая-то посуда.

И действительно, в коробках оказался столовый сервиз из 24 предметов. На тарелках с обратной стороны стояло клеймо – «ЛФЗ». Ленинградский фарфоровый завод.

И Алла вспомнила: на свадьбу им этот сервиз подарили её дальние родственники из Санкт-Петербурга. Раньше считалось круто дарить сервизы и постельное бельё на свадьбу. Но Гриша подарок не оценил и отволок его в гараж.

Алла вздохнула, передвинула коробки на край стола и принялась за ужин. С посудой она решила разобраться завтра, в субботний день. Куда ей девать такое количество тарелок, тарелочек и тарелищ, она не представляла.

Спала Алла плохо. Ей снился Гриша. Он был пьяный, сидел за каким-то длинным столом в каком-то ресторане и ругался матом. Алле было неудобно, и она пыталась вывести Гришу на улицу. Но он не уходил и продолжал ругаться.

Алла проснулась поздно, понежилась в кровати, потом не торопясь встала. Приняла ванную. Позавтракала, косясь на грудку старого картона, под которым скрывался питерский сервиз. Не спеша пропылесосила квартиру. И наконец-то взялась за свадебный подарок. Освободила посуду от картона, выложила сервиз на стол. Две тарелки оказались треснутыми.

И в этот момент в дверь кто-то постучал.

– Открыто, не заперто! – крикнула Алла, любуясь фарфором, стоящим перед ней на столе.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Гриша.

– Здравствуй, Алла! – сказал Гриша.

– Здравствуй, Гриша! – ответила Алла.

– Это самое... – голос у Гриши дрожал и хрипел. – Настя родила сегодня ночью. Я только что из роддома. Четыре кило и сто граммов. А рост я забыл. Но всё нормально.

– Поздравляю, – сказала Алла, не отводя взгляда от сервиза, – хороший вес. Молодцы!

– Мы это... – продолжил Гриша. – Ты же знаешь, как к тебе Настя относится. Она тебя очень уважает. Очень! И это... Она хотела, и я поддержал. В общем, мы дочку твоим именем назвали – Аллюю. В твою честь. Вот.

– Спасибо, – сказала Алла и протянула руку к самой большой тарелке, с трещиной посередине.

Гриша не ожидал, что Алла так быстро и так точно метнёт тарелку, поэтому он первый удар проморгал. Ленинград-

ский фарфор врезался ему аккуратно в переносицу. Брызнула кровь. Гриша схватился за лицо.

Вторая тарелка попала Грише в правый локоть. От третьей, четвёртой и пятой тарелки он увернулся. Зато шестая тарелка впечаталась Грише прямо в лоб. После чего Гриша, наконец-то, сообразил, что надо убегать. Он смешно подпрыгнул, отбил рукой летящую седьмую тарелку и выскользнул в дверь.

Алла вздохнула, поставила очередную тарелочку обратно на стол и вышла на балкон. Через две минуты из подъезда кубарем выкатился Гриша. Втягивая голову в плечи, он мелкой трусцой начал перебегать двор.

– Гриша! – окликнула бывшего мужа Алла.

– А? Что? – Гриша поднял залитое кровью лицо вверх.

– Поцелуй её от меня, – попросила Алла.

– Кого? Настеньку? – спросил обалдевший Гриша.

– Да нет же, дурачок, – улыбнулась с балкона Алла, – Аллочку поцелуй. Пусть растёт здоровой девочкой.

– Хорошо, поцелую, – ответил Гриша и потрусил дальше, изредка оглядываясь на одинокую женскую фигуру, стоящую на балконе.

А Алла раскинула руки в разные стороны, потянулась.

Во дворе пели птицы, где-то гудели машины, в соседнем дворе ребятня играла в футбол. Наступил тот самый момент, когда утренняя прохлада уже ушла, а дневной летний зной ещё не наступил.

– Хорошо-то как! – выдохнула Алла. – Как хорошо-то!
Пипец просто, как хорошо!

Она постояла ещё несколько мгновений на балконе, развернулась и пошла обратно в квартиру. Убирать битый фарфор.

Андрей

Андрею недавно исполнилось 23 года. Был он небольшого роста, субтильного телосложения. Носил очки. Правда, очки были модные. Да и одевался он очень прилично. Потому что прилично зарабатывал.

Занимался Андрей арбитражем траффика. Что в переводе на обычный русский язык означает то, что он зарабатывал деньги в интернете, делая вебсайты.

Деньги он получал очень хорошие. И для трудовой деятельности страна проживания значения не имела. Поэтому-то он и перебрался в Прагу.

Снял квартирку в спальном районе. Познакомился с такими же, как и он, русскоязычными вебмастерами. Стал регулярно посещать их пивные посиделки. По пятницам.

Всё у Андрея было хорошо. Всё, кроме одного. У него не было девушки. И не в настоящий момент её не было. А вообще. По жизни. Как-то не получалось у него со слабым полом контакт наладить. Был он робким. Сидел себе за компьютером целыми днями. Невзрачный. Худой и с редкими волосами на голове. Вот и досиделся до 23 лет.

Об этом как-то в одну из пятничных посиделок Андрей и поведал своим друзьям. Выпив перед этим пол-литра крепкого пива и прилично от этого охмелев.

Когда Андрей рассказал о том, что он девственник, за сто-

лом воцарилась тишина. Даже за соседними столиками народ на несколько мгновений примолк.

– Этого не может быть, – сказал Витя, здоровенный мужик 30 лет от роду, имеющий миниатюрную жену и троих детей.

– Может, – пьяно возразил ему Андрей, – только в интернете и видел, как это происходит.

Сидевший напротив Андрея Лёша, 20-летний жизнерадостный парень, поперхнулся пивом.

– Ты это серьёзно? – спросил он.

– Да, – ответил Андрей, – только вы не смейтесь.

– Мы не смеёмся, – сказал Лёша, – какой тут смех? Спасать тебя надо. Это же в голове не укладывается. Я моложе тебя, а с этим делом лет с 15 знаком.

– В бордель его надо отвести, – вдруг подал голос до этого молчавший Стёпа, самый старший из их компании, – там профессионалки работают. Лишат парня невинности и научат чему надо.

– Точно, – сказал Виктор, – в мой любимый, в центре, На Пршикопе.

– Я не хочу в бордель, – попробовал отказаться Андрей, – я сейчас не в форме. Я выпил.

– Завтра пойдём, – сказал Стёпа, – сегодня и так хорошо сидим. А завтра ходим, на трезвую голову. А то если пьяный в этот гадюшник завалишься, то, считай, без денег домой вернёшься.

На том и порешили. Допили пиво и разошлись по домам.

Чтобы на следующий день вновь встретиться. На Пршикопе.

Андрей к этой встрече подготовился основательно. С утра он побрился. Очень тщательно. Потом сбегал в парикмахерскую. После стрижки зашёл в соседний салон, где две щебе-чущие вьетнамки сделали ему маникюр и педикюр.

После этого Андрей отправился домой. Где отгладил фла-нелевые штаны и белоснежную рубашку. А потом ещё и по-мыл пол во всей квартире. На всякий случай.

В 20.00 Андрей был на месте. Не спеша подтянулись остальные члены их вебмастерской компании. Витя, Лёша, Стёпа и отсутствующий накануне Артур.

Зашли в дверь с вывеской «Ночной клуб». Разделись в гардеробе. Вещи у них взяла пожилая тётка в синей уни-форме. За сданные вещи выдала номерки.

– Как в театре, – прошептал Андрей.

Но сходство с театром на этом-то и закончилось. Парни вошли в довольно большое помещение, утопавшее в полу-мраке. Где по сторонам стояли уютные столики с дивана-ми, отделённые друг от друга небольшими перегородками. Дверь в конце этой комнаты вела в другое помещение, где играла музыка, и было видно, как на подиуме кто-то крутит-ся на шесте.

Их встретила женщина лет 40 в строгом костюме. Адми-нистратор. Она тепло поздоровалась со всеми. А Виктора даже поцеловала в щёку. Было видно, что он тут не в пер-вый раз.

Сели за ближайший столик. Ребята взяли тарелки и отправились в небольшую комнатку, расположенную сбоку от входа в клуб. Там стояли столы с салатами, бутербродами и лёгкими закусками. Все набрали себе полные тарелки и вернулись за свой столик.

– А сколько это стоит? – спросил Андрей.

– Бесплатно всё, – с набитым ртом ответил Лёша, – вода и лимонады тоже бесплатно. А вот алкоголь конских денег стоит.

И тут же заказал подошедшей официантке рюмку водки. Виктор и Степан ограничились огуречным лимонадом. Артур взял бокал красного вина. Андрей подумал и попросил колы. Несколько минут за столом стояла тишина, нарушаемая лишь звонами вилок и ножей. Перекусили.

– Вкусно, – похвалил Андрей невидимого повара.

– А то! Готовят тут хорошо, – подтвердил Стёпа, – пальчики оближешь. Хоть каждый день столоваться ходи.

Парни рассмеялись удачной шутке.

– Щас доедим и будем тебя невинности лишать, – продолжал разглагольствовать Лёша, – выберешь себе, кто понравится, и вперёд. Потом втянешься в это дело. И поженишься в итоге.

– А ты сам-то чего не женат? – спросил Андрей Лёшу.

– Да я женился в 18 лет, – замялся Алексей, – но до конца не оформили нас. Не получилось. После этого-то и свалил в Прагу. Подальше от родственников и от несостоявшейся

жены.

– Как это не получилось жениться? – удивился Виктор.

– Да я в универе учился, – начал рассказывать Лёша, – в общежитии жил. От родителей съехал. Ну и познакомился с одной девчонкой, с параллельного потока. Шуры-муры, любовь-морковь. В общем, договорились с ней пожениться. Буквально на следующий день после моего 18-летия. Ей-то на тот момент уже 21 год был.

– Интересное кино, – заинтересовался Виктор, – продолжай.

– Мои родители были против, – продолжил Лёша, – нет и всё. Ни в какую. Её поартачили, но всё-таки согласились. Видят, я при деньгах, не дурак. Да и дочку, судя по всему, сбегать из дома хотели. В общем, подали заявление. Я оплатил ресторан, купил кольца. Ирка платье купила...

– Ирка, это кто? – перебил Лёшу до этого молчавший Артур.

– Ирка Иванова – это моя невеста несостоявшаяся, – пояснил Лёша и продолжил: – Всё было нормально. До последнего дня. Накануне бракосочетания я что-то начал нервничать. А я когда нервничаю, на меня жор нападает. Ем всё подряд.

– Такая же фигня, – опять подал голос Артур, – жру, как ненормальный. Стресс едой пытаюсь заглушить.

– Вот и я попытался стресс едой заглушить, – сказал Алексей, – слопал всё, что было. И ночью ещё за добавкой по-

бежал в ночной магазин. Набрал бобов в томатном соусе. Люблю я их. Ну и натрескался на ночь глядя. И позавтракал ими же.

– Не пронесло? – участливо поинтересовался Витя.

– Не пронесло, – ответил Лёша, – вот только перед самой регистрацией меня пучить от этих бобов стало так, что мама не горюй. Я вначале на воздух бегал, типа покурить. А потом уже нельзя было. Гости. То да сё. В общем, беру невесту под руку. Марш Мендельсона. Все нарядные. Все волнуются. Заходим в зал. Стоим. Тётка за столом рассказывает про нашу будущую счастливую жизнь. А у меня живот распирает. Я её вполуха слушаю. Прислушиваюсь к себе, что там у меня внутри творится. Тётка спрашивает: «Берёте Ирину Владимировну в жёны?» А я что-то этот вопрос пропустил. Стою, молчу. Шевельнуться боюсь. Невеста мне локтём в бок. Чтобы я хоть что-то ответил. Ну, я, вместо слова, газ да и выпустил. Громко так, протяжно.

Ночной клуб содрогнулся от хохота. Смеялись все. Даже обычно невозмутимый Степан слез с диванчика, держась за живот. Только Алексей не смеялся.

– Вам весело, – сказал он, – а я еле ноги унёс. Её отец реально мне шею обещал сломать, если встретит.

К столу подошла администратор.

– Веселитесь, мальчики? – спросила она. – Анекдоты рассказываете?

– Истории из жизни, – хохотнув, ответил ей Виктор, –

у нас тут в компании девственник затесался. Сможешь нам помочь? Надо молодую и горячую девочку. Чтобы у парня на всю жизнь только приятные впечатления остались.

– Всё сделаем в лучшем виде, – сказала администратор, – пусть сам выберет себе спутницу. Я сейчас позову девочек. А кто у нас девственник? Он?

И она ткнула пальцем в Андрея.

– Я, – смутился тот, – только я по-чешски плохо говорю.

– Ну, во-первых, тебе не разговаривать с девушкой надо будет, а кое-что другое делать, – положив Андрею руку на плечо, сказал Степан, – а во-вторых, тут в основном украинки работают, по-русски говорят.

Администратор кивнула. Куда-то вышла. Вернулась через пять минут с пятью молодыми девушками, одетыми только в трусики и бюстгалтеры. Три блондинки, одна рыжая и одна брюнетка.

– Выбирай, – кивнула Андрею, – самые лучшие. Золотой фонд нашего клуба. Только для VIP персон.

И отошла в сторону. Чтобы не мешать Андрею рассматривать пять молодых улыбающихся женщин. Андрей рассматривал недолго.

– Вот эта, – ткнул он пальцем в стоящую в ряду крайнюю слева высокую блондинку.

– Очень приятно, – просияла блондинка, – меня Мальвина зовут. Будем дружить?

– Хороший выбор, – одобрительно буркнул Виктор, –

только она чуть выше тебя. Но в постели это не так заметно.

И, довольный, расхохотался своей же шутке.

– Мне не нравится имя Мальвина, – вдруг сказал Андрей, – как у куклы.

– Не хочешь Мальвиной, назови по-другому, – откликнулась блондинка, – главное, чтобы тебе имя нравилось.

Она подошла к столику и села рядом с Андреем, бесцеремонно потеснив Степана. Пахло от блондинки сладкими духами и немножко потом. Андрею вдруг стало жарко.

– Можно, я буду вас звать Ирина Александровна? – попросил Андрей.

– Конечно, можно, – кивнула блондинка, – просто по имени или с отчеством?

– С отчеством, – подтвердил Андрей, – Ирина Александровна.

– Хорошо, – сказала блондинка, – у нас с тобой полчаса времени. Деньги надо отдать нашему администратору. Пять тысяч крон или 200 долларов. Можно карточкой оплатить.

– У меня наличные, – внезапно вспотев, сказал Андрей, – идём. Я готов.

– Училка твоя, что ли? – спросил вдруг Виктор. – Ирина Александровна которая?

– Да, по химии, – ответил Андрей, – я в неё влюблён был. Она очень красивая и на Мальвину похожа. То есть Мальвина на Ирину Александровну похожа.

– Дааа, – мечтательно произнёс Виктор, – я тоже в школе

влюблён был. В физрука нашего.

За столом стало тихо.

– У нас физруком женщина была, – пояснил Виктор, – молодая, только что с института.

– Не слушай его, – сказал Артур, – иди давай. И возвращайся настоящим мужчиной.

Андрей кивнул. Вылез из-за стола. Подошёл к администратору и отдал ей 200 долларов. О сумме его накануне предупредил Виктор. После этого администратор отвела Андрея и новоявленную Ирину Александровну на второй этаж. Они прошли по длинному коридору, выкрашенному в синий цвет. Администратор ключом открыла предпоследнюю дверь и пригласила Андрея и блондинку зайти.

– У вас полчаса, – напомнила она им и, пожелав удачи, удалилась.

За дверью оказалась однокомнатная квартира с большой кроватью и барной стойкой в углу комнаты.

– Милый, – сказала блондинка, – я в ванную. Ополоснусь и обратно. Налей нам что-нибудь выпить пока.

И упорхнула в соседнюю комнатку.

Андрей порылся в баре. Налил в два бокала минералки. Поставил их на прикроватную тумбочку. Походил по комнате. Присел на стул.

Блондинка появилась спустя несколько минут, завёрнутая в большое полотенце.

– А вот и я, – сказала она, – иди в душ. Помойся. И сразу

приступим. Вещи можешь там на стульчике оставить.

Андрей вскочил. Хотел что-то сказать. Но лишь кивнул. Протиснулся между кроватью и девушкой. Вошёл в соседнюю комнату. Комната оказалась совмещённым санузлом. В котором присутствовали унитаз, писсуар, биде и душевая кабинка. На крючках, прибитых к двери, висела парочка полотенец и халат.

Андрей не спеша разделся. Зашёл в душевую. В ней было мокро. Пахло мылом и свежим женским телом. На полочке он увидел два небольших пузырька. Обычно такие пузырьки стоят в отелях. В ваннных комнатах. Андрей изучил этикетки. Одна из этикеток утверждала, что внутри жидкое мыло. На второй было написано про кондиционер для волос.

Андрей завернулся в полотенце. Выглянул из ванной комнаты. Блондинка лежала в кровати под одеялом и читала какой-то глянцевого журнала.

– Ты готов, мой хороший? – мурлыкнула она Андрею.

– Нет ещё, – ответил тот, – а где шампунь можно взять?

– Посмотри в шкафчике рядом с душем, – после паузы сказала блондинка.

– Хорошо, – кивнул Андрей и закрыл дверь.

Шкафчик оказался забит разноцветными пузырьками. Судя по всему, они были из разных отелей. Шестой из них оказался с шампунем. Андрей захватил его с собой в душевую.

Не торопясь помыл волосы. Ополоснул их. Опрокинул

на себя пузырёк с кондиционером. Опять прополоскал волосы. Пахло приятно.

Андрей вылил на себя жидкого мыла. Намылил тело. Стал под душ. Тёплая вода смывала с него пену и грязь. Было хорошо и приятно. Андрей зажмурился. Сразу же, как по команде, у него перед глазами возникла Ирина Александровна. Его любимая учительница. В строгом деловом костюме. Единственную вольность, которую допускала она в гардеробе, были колготки. Каждый день разные.

Андрей вспомнил, как пытался написать учительнице письмо, но вовремя одумался и не стал его посылать. Как замирал на уроках, когда его вызывали к доске. Как после уроков проводили опыты в кружке по химии...

Андрей открыл глаза. Выключил воду. Вышел из душевой кабины. Взял с вешалки большое махровое полотенце и тщательно вытерся. Достал из уже знакомого шкафчика фен и так же тщательно просушил голову.

Одежду он аккуратно сложил на стульчике, стоящем возле биде. Подумал, надевать трусы или нет? Решил просто вернуться в полотенце. Натягивать на свое тело чужой халат как-то не хотелось.

Андрей закутался в тёплый махровый кусок белой ткани. Глубоко вдохнул и вошёл в комнату к своей Ирине Александровне.

- А вот и я, – сказал он лежащей на постели девушке.
- Привеет, – протянула она.

В этот момент раздался осторожный стук в дверь.

– Войдите – крикнула блондинка.

Дверь растворилась, и на пороге возникла администратор.

– Мальвиночка, – сказала она, скользнув взглядом по Андрею, – к тебе твой вьетнамец пришёл. Одевайся давай.

– А я? – спросил Андрей. – Я же ещё не того... Я только собрался.

– В смысле, только собрался? – удивилась администратор. – Уже тридцать две минуты прошло. За это время несколько раз невинность можно было потерять.

– Он в душе проторчал, – сообщила блондинка, протискиваясь мимо Андрея в ванную комнату, – голову зачем-то мыл. Я чуть не уснула, пока его ждала.

Андрей заворожённо проводил взглядом нагое женское тело. Которое должно было быть его. Но не стало.

– Ничего не знаю, – сказала администратор, – было оплачено полчаса. Время прошло. Чем ты занимался – это твоё личное дело. Щас Мальвина выйдет, одевайся и освобождай помещение.

– Хорошо, – сказал Андрей, пропуская уже одетую Мальвину.

Он вернулся в ванную комнату. Быстро накинул на себя одежду и спустился к товарищам.

Они сидели всё там же. Не было только Артура. А на коленях у Лёши вольготно расположилась какая-то маленькая черноволосая девушка.

– Ну как? Понравилось? – спросила компания у Андрея.

– Нет, – ответил тот честно.

– Почему? – удивился Степан.

– Да я пока мылся, время закончилось, – промямлил Андрей, – и у нас ничего не было. Время вышло. 30 минут быстро пролетели. Я же не знал, что 30 минут – это на всё. Ну, я в душевой и задержался.

На несколько мгновений над столом повисла гробовая тишина. Которую нарушил Виктор. Он захрюкал, схватился за живот и откинулся на спинку дивана.

– Вот дал бог мне приятелей, – сквозь смех прорыдал он, – один пердит на свадьбе, другой моется за 200 долларов. А-ха-ха-ха...

Степан с Лёшей тоже засмеялись. Даже незнакомая девушка, сидящая на коленях у Лёши, захихикала тоненьким голосом.

– Да ну вас, дураков, – рассердился Андрей, – не объяснили ничего, а теперь ржёте.

Он развернулся и ринулся вон из этого противного ночного клуба.

На улице вызвал такси. Доехал до дома.

Пожинал. Посмотрел по интернету в записи передачу «Давай поженимся». И лёг спать.

Снилась ему Ирина Александровна. Голая. Она мылась в душе. А Андрей во сне стоял рядом с кабинкой и держал в руках полотенце. И ждал, когда его любимая учительница

по химии выйдет из кабинки, и он подаст ей это самое полотенце. Но она всё не выходила и не выходила. Так он до утра и простоял в своём сне на мокром полу в ожидании чуда.

Анна

Небольшой пансиончик на берегу моря, любимый муж, обожаемый сын. Что ещё надо женщине для счастья? Ничего. Всё есть.

Так думала Аня, сидя на веранде своей мини-гостиницы. Да, третья полоса. Да, всего десять номеров. Но зато своё, родное. И летом эти десять номеров приносили ощутимый доход.

Но сезон заканчивался. Октябрь. В пансиончике жили только пожилая пара из Израиля и 35-летний стоматолог со своей молодой женой из Питера.

Ане было 28. Она сидела за столом, потягивая белое сухое вино.. На плечи накинут белый плед. На тарелке лежали обжаренные креветки и фисташки. Часы на стенке показывали полпервого ночи. Муж с сыном уехали к её маме на все выходные.

Открылась дверь, и на веранду вошёл мужчина. Тот самый стоматолог, из шестого номера. Крупный, с широкой костью. Аня по сравнению с ним была дюймовочкой.

– Доброй ночи, – улыбнулся он ей, – не спится?

– Нет, не спится, – послала Аня ответную улыбку стоматологу, пытаясь вспомнить его имя, – вино будете? Очень хорошее. Домашнее.

– Буду, – ответил мужчина.

Он подошёл к шкафу, открыл дверцу, достал фужер. Придирчиво осмотрел его, протёр салфеткой, лежащей рядом на комод. Сел на стул. Но не напротив Анны, а рядом с ней. Взял бутылку, налил себе полный бокал вина. Добавил и Ане.

Чокнулись. Аня пригубила вино. А мужчина выпил залпом половину бокала.

«Юра, – вспомнила Анна. – Его зовут Юра. Юрий Николаевич. Или не Николаевич. Но точно Юрий. Как Гагарина».

– И правда хорошее вино, – сказал мужчина, – не кислое и не сладкое. Золотая серединка.

– Юра, вы креветок попробуйте, – предложила Аня, – они свежие, только что с моря.

Юра наклонился к столу, потянулся рукой к тарелке с креветками. В нос Ане ударил еле заметный аромат его одеколona. Кедр, ваниль, немного лимона и ещё какие-то травы. И запах свежее выпитого белого вина. И немного пота. Мужского. Смесь была до жути сексуальной. Анну будто ударило что-то. Она напряглась. От бывшей истомы не осталось и следа.

– А ваша жена? – спросила вдруг внезапно охрипшим голосом.

– Лиза спит, – ответил Юра и отхлебнул ещё немного вина, – у неё голова разболелась. Наверное, от перемены климата.

– Вы молодожёны? – спросила Аня. – Свадебное путеше-

ствие?

– Да, что-то типа этого, – ответил Юра, – поженились две недели назад. Мы с детства с Лизой знакомы. И вместе живём уже почти год. Наши отцы дружат. Плюс бизнес общий.

– Брак по расчёту? – спросила Аня.

– Ну почему только по расчёту? – рассмеялся Юрий. – Любовь у нас тоже есть. Давняя. Она в меня с детства влюблена. У нас разница в возрасте 13 лет.

– А вы её любите? – вдруг спросила Аня.

– Да, – ответил Юра и добавил: – Вам ещё вина налить?

Он взял бутылку, бокал, налил в него вино и наклонился к Ане. Опять повеяло этим запахом. Смесью кедра и ванили, пота и вина.

– Вы у всех своих постояльцев выпытываете их тайны и желания? – спросил Юра, усмехнувшись.

– Нет, только у тех, кто мне нравится, – ответила Аня и смутилась.

Ей вдруг стало жарко. И затряслись кончики пальцев. Она это почувствовала и спрятала руки под стол.

– А я вам нравлюсь? – спросил Юра.

– Очень, – ответила Аня, чувствуя, что она летит в какую-то пропасть.

– А где ваша комната? – спросил Юра.

– Мы на первом этаже живём, но туда не надо. Там же семья. Выше этажом пустой номер, – пробормотала Анна.

Юра встал, сгрёб Аню в охапку и понёс к двери.

– На надо, – попросила Аня, – я сама. Надо ключ взять от комнаты.

– Ты лёгкая, – сказал Юра, опуская её на пол, – вино взять с собой?

– Возьми, – ответила Аня, копаясь в комоде в поисках ключа.

Нашла. Повернулась к Юре. Он стоял в дверях с бутылкой и двумя бокалами. И улыбался.

Дальнейшее Аня помнила урывками. Номер. Двуспальная кровать. Нежные мужские руки, раздевающие её. И потом блаженство. Целая ночь блаженства.

Он ушёл от неё только в шесть утра. Обессиленный.

А она сползла с кровати. Зашла в душ. Помылась. Посушила волосы.

Потом она приготовила завтрак для постояльцев и ушла к себе. Прилегла на минутку и проспала до обеда.

После обеда убралась в номере, в котором ночью была с Юрой. Убирала и вдыхала его запах. От этого запаха кружилась голова и болело внизу. Как пьяная, ходила по номеру. Раскаяния не было. Хотелось ещё. Ещё одну такую ночь.

Вечером попила с жильцами чаю. Стараясь не смотреть на Юру. Лиза была бледной. Ей нездоровилось.

Аня заварила липы. Достала банку башкирского мёда. Юра поблагодарил её за заботу. Коснулся пальцами её руки. В нос ударил знакомый запах.

– А что это у вас за одеколон? – спросила Аня.

– Это подарок Лизы, – ответил Юра, – она мне его из Праги привезла.

– Да, это от чешской местной фирмы, больше нигде не купишь, – отозвалась Лиза, – Мануфактура называется. Очень оригинальный и необычный запах.

– Жалко, что скоро закончится, – улыбнулся Юра.

– Да, очень жалко, что всё скоро заканчивается, – сказала Аня и принялись убирать со стола.

Постояльцы поблагодарили за чай и разошлись по своим номерам.

А Аня осталась на веранде. С бутылкой белого вина и свежеприготовленными креветками.

Юра пришёл в полвторого ночи. Сгрёб Аню в охапку и унёс в уже знакомый заранее открытый номер.

Ушёл в шесть. Поцеловав её на прощанье.

Аня лежала на кровати и плакала. Потому что знала, что это больше не повторится.

Вечером приехали муж с сыном. Привезли гостинцы.

Аня сказалась больной. Мужу разъяснила, что у неё пришли очень болезненные месячные и ей надо отлежаться. Лучше одной.

Лежала вечером и каждой клеткой своего тела чувствовала, как где-то этажом выше ходит по комнате Юра, как он пьёт чай с Лизой, как занимается с ней любовью.

Молодожёны уехали через два дня.

Аня убирала номер и вдыхала запах Юры. Эту гремучую

смесь пота, кедра и ванили.

Этот запах преследовал её всю беременность. Он сводил её с ума. Её рвало желчью от этого запаха. Болели голова и спина. После седьмого месяца стало полегче. Аня сидела на веранде, завёрнутая в плед, и баюкала свой раздувшийся живот.

Делать что-либо по дому ей было запрещено. Муж носился вокруг неё, подкладывал какие-то подушки, предлагал воду, поесть, поспать. Было такое впечатление, что беременен он.

А Аня и так знала, что всё хорошо. Что внутри неё растёт беспокойный ребёнок. Который брыкается по ночам, катается по маминому пузу, как в надувном баллоне, хулиганит и ждёт, когда его выпустят наружу.

Девочка родилась ровно посередине лета. Три шестьсот. 52 сантиметра. С чёрными кудряшками.

Муж был счастлив. Сын опекал сестру буквально с первых дней её рождения.

Счастлива была и Аня. Запах пропал. Остались её родные и любимые люди.

Она была хорошей женой и отличной матерью. В доме было уютно и весело. Дети росли. Незаметно.

Сын был спокойным и рассудительным. Как и Аня. Небольшого роста, уверенный в себе. Неторопливый.

Девочка была беспокойной и громкой. Она носилась по дому, хохоча и заражая весельем всех. Домашних, посто-

альцев. И она была очень похожа на Юру. Просто одно лицо. Да и комплекцией тоже отличалась. В Аниной семье все были невысокого роста. А дочка уже вымахала под метр шестьдесят и потихоньку росла дальше. Широкая кость. Чёрные волосы. Такие же, как у Юры.

Но никто ничего не замечал. Муж обожал дочку. Он был уверен, что это его кровь. И даже находил свои черты у девочки.

А Аня молчала. Стараясь ни о чём не думать. Стараясь любить любимых и не вспоминать о единственном.

Когда дочке исполнилось десять или одиннадцать лет, Аня опять почувствовала этот запах. Она готовила обед на кухне. Чистила картошку. Как вдруг в ноздри ударил запах Юры. Как наваждение. Она бросила нож, выскочила на улицу. Обошла вокруг дома. Руки дрожали. Вернулась на кухню.

На плите в кастрюле, булькая, кипела вода. Никакого Юры не было и быть не могло. Но запах был. Слабый. Вероятнее всего, только в мозгу у Ани. Но он был и вновь сводил с ума.

Аня купила билет на самолёт. Слетала в Прагу. Нашла фирменный магазин Manufaktura. Мужской одеколон там был представлен только одним наименованием. Он так и назывался – номер 1. Первый и единственный.

Купила. Привезла домой. Подарила мужу. Запах был. Но это был запах мужа. Муж пах кедром и ванилью. И ещё какими-то травами. И всё.

Дочка выросла. Закончила школу. Несмотря на свою непоседливость, с золотой медалью.

Сказала, что хочет поступать в медицинский. На факультет стоматологии. Ей это нравится.

– Да, конечно же, – поддержала дочку Аня.

А у самой светло скулы от желания расплакаться и всё рассказать. Всем. Мужу, сыну. И в первую очередь дочери.

Но промолчала. Она берегла своих родных.

К мужу она охладела. Жили под одной крышей. Вели общее хозяйство. Аня подозревала, что у него кто-то есть на стороне. Но не лезла выяснять отношения. Зачем? Ведь и так всё хорошо. Всех всё устраивает.

Юру она, естественно, больше никогда не видела. И не слышала о нём. И даже не старалась что-то узнать.

Лишь иногда ей чудился его запах. Сводящий с ума. Запах её мужчины.

Аня и Ваня

– Милый, тебе хорошо было?

– Да, очень.

– И мне. И сейчас мне хорошо. Уютно так. Хочется лежать у тебя под мышкой всю жизнь.

– Так лежи. Я не против.

– Мне хорошо с тобой, Ванечка. Так хорошо. Ты меня с ума сводишь. Совсем-совсем. Я рядом с тобой глупой становлюсь. Как маленькая девочка. И ерунду начинаю говорить. Я ерунду говорю?

– Аха.

– Ну и ладно. Ерунду так ерунду. Зато от чистого сердца. Зато тебе. Ты меня любишь? Скажи мне. Только правду. Любишь?

– Ну, вот ты опять.

– Я не опять. Я знать хочу. Я же тебе призналась, я же открылась. Первая. А женщине это делать не надо. В женщине должна быть загадка. Недосказанность. Скажи мне.

– Я уже говорил.

– Ну, может, изменилось что. Я же для тебя всё сделаю. Я сделаю тебя счастливым. Я тебя любить буду долго-долго. Крепко-крепко. Скажи только.

– Ты мне нравишься, Анечка, мне хорошо с тобой.

– И всё? Просто нравлюсь? Просто хорошо?

– Ну, мы же это уже обсуждали. Уже сто раз говорили.

– Да, обсуждали. Но так не бывает же. Ты же спишь со мной. Как можно спать с женщиной, которая тебя любит, и не любить при этом самому?

– Анечка, милая, да это сплошь и рядом. Зачем ты всё усложняешь?

– Но ведь мне больно. Что ты меня не любишь.

– Зато честно.

– Но больно. Скажи, а может быть чуть-чуть?

– Что чуть-чуть?

– Любишь.

– Может быть.

– Правда? Правда, есть чуть-чуть?

– Анька, ну что ты заладила про эту любовь?

– Ты ответь, ответь. Правда, есть чуть-чуть? Капельку? Или больше? Больше капельки?

– А это чувство можно измерить?

– Всё можно, милый. Хороший мой. Скажи. Только скажи. Я тогда буду самой счастливой женщиной на свете.

– Я не знаю, сколько капель. Мне правда с тобой хорошо. И нравишься мне ты. Но сколько в этом любви, я не знаю.

– Ну, когда ты почувствуешь, что этих капель стало больше, ты мне скажешь? Правда, скажешь?

– Скажу.

– Спасибо. Я буду ждать. Я буду ждать, когда ты меня полюбишь. И стану счастливой. Ты хочешь быть счастливым?

Хочешь, я тебе ребёночка рожу? Ты кого хочешь, девочку или мальчика? Хочешь, любимый?

– Нет.

– Жалко. Что нет. А я бы тебе родила девочку. И любила бы вас обоих. Девочка бы была такая же красивая, как ты. Я бы ей бантики завязывала. У меня в детстве бантики были. Это сейчас я короткую стрижку ношу. А в детстве коса была до попы. Мороки с волосами было много, правда. Везде валяются, в раковине забиваются. Расчёсывать каждое утро. Зато красиво. И дочка у нас красивая будет. Или мальчик. Ты с ним на хоккее ходить будешь. Болеть за эту вашу команду. Хриплые будете домой приходите. А я буду вас ждать. С ужином. Соляночку сварю. Котлетки на пару. Как ты любишь. А на третье компот. Хочешь?

– Компот хочу.

– А детишек хочешь?

– А детишек пока не хочу.

– А что ты хочешь?

– А ты?

– А я семью хочу, Ванечка. Я хочу детишек, дом, мужа. Хочу. Мне же уже не двадцать. И даже не тридцать. А жизнь уходит. А хочется семью. Мужа. Тебя хочу. Каждый день. А не по выходным. Засыпать с тобой хочу. Просыпаться. Завтраками тебя кормить. На работу провожать. Рядом быть. Как сейчас. Тебе же сейчас хорошо? Скажи, тебе хорошо со мной?

– Хорошо. Только ты спать мне не даёшь.

– Извини. Прости. У меня внутри всё горит. Мне надо это сказать тебе. Иначе я с ума сойду. А ты мне не отвечаешь.

– Аня, я тебе ответил уже. Сто раз. Ты классная. Ты хорошая. Но не до семьи мне сейчас. Не хочу я. И не в тебе дело. Совсем не в тебе.

– А когда тебе до меня будет дело? Когда? Скажи. Я подожду. Я потерплю. Только скажи, когда?

– Я не знаю.

– А когда узнаешь? Скажешь тогда? Я подожду. Мы же созданы друг для друга. У нас даже имена почти одинаковые. Ты Ваня, я Аня. Разница в одну букву. Аня и Ваня, Ваня и Аня. Здорово! Звучит?

– Аха. Как Бонни и Клайд.

– Вот ты противный. Вот всё тебе хихоньки да хахоньки. При чём тут эти бандиты? И они не русские совсем. Они американцы. Они так любить не умеют. Как я. При чём тут Бонни? При чём тут Клайд?

– Да я пошутил.

– А ты всегда только шутишь. Несерьёзный совсем. Шуточки да прибаутки. Шутя познакомился. Шутя на свидание пригласил. Шутя в постель затащил. И сейчас лежишь и шутишь. А я тут с ума схожу. Я субботы жду как манны небесной. Часы считаю. Минуты. Спать не могу. Всё жду этой субботы. А потом в воскресенье, когда домой приезжаю, начинаю опять субботу ждать. Следующую. Слушай, а что вам

в армии давали? Чтобы женщин не хотелось? Бром? Может, мне бром попить? Может, я тогда спокойнее буду? И не буду так с ума сходить. Вам же в армии давали, я слышала.

– Ничего нам не давали.

– А как же вы тогда? Это же тяжело, когда так долго без любимого человека.

– Да не было у меня тогда девушки. Я перед армией со всеми поругался и служил без страданий. Да и какие страдания? На службе особо не страдаешь.

– Вот. Ты как тогда был холодным, таким и остался. Мужлан. Даже цветы мне не подарил. Ты почему мне цветы ни разу не подарил? Все дарят, а ты нет.

– Анечка. Ну, на кой тебе цветы? Ты же в цветочном магазине работаешь. Ты эти цветы каждый день видишь. Я тебя с работы забираю. Из цветочного магазина. И представь, я с букетом. Смешно.

– Ну, это же будут другие цветы. Это будут цветы для меня. Только для меня. То, что в магазине, это для других женщин. А ты мне если подаришь, то только для меня. Это совсем другое. Это другие цветы. А ты этого не понимаешь. Мужлан. Как был солдатом, так им и остался.

– Я младшим сержантом был.

– Какая разница? Погоны другие и форма покрасивее, наверное. А солдафон – это в душе.

– Хорошо. Солдафон. Пусть будет по-твоему. Но твой солдафон хочет спать.

– Мой? Правда, мой?

– Твой, твой. Спи, радость моя.

– Твоя, да. Твоя, твоя, твоя... А ты мой. Мой маленький, мой любимый.

– Ань, ну какой я маленький? Во мне девяносто кило веса и сто восемьдесят сантиметров роста.

– Для меня маленький. Родной и близкий. Но я не буду мешать. Я залезу к своему маленькому солдафону под мышку и буду спать. Тоже буду спать. Спи, милый. Спи, мой хороший. Ты мне цветы подаришь?

– Подарю.

– Ой, ты такой милый. Ты такой. Я даже не знаю, какой. Такой хороший. Как хорошо, что ты у меня есть. Хоть и по выходным.

– Спи, Анечка.

– Сплю, любимый, сплю.

Валя

Валя приехала в Прагу учиться. Поступила в Высшую школу финансов и управления. И встретила Арама. Ей 20 почти, ему почти 30. Ювелирных дел мастер. Работал рядом с Парижской улицей. Своя мастерская, свои заказчики. И вдруг Валя. Она по студенческой визе, он вообще не пойми по какой. Она русская, он армянин. Она спокойная, чуть полноватая девушка с русыми волосами. Он небольшого роста, чёрненький, быстрый в решениях и действительно хороший специалист по ювелирному делу.

Два месяца длились ухаживания. Цветы, подарки, кино, конфеты. Влюблённость была обоюдная. Но если Валя тихонько светилась от счастья, то Арам носился как угорелый по Праге и готов был перевернуть весь мир для любимой.

Начали жить вместе. Валя взяла быт в свои крепкие женские руки. Недоделанные заказы и лишний инструмент из квартиры переехали в мастерскую. В холостяцком логове стало чисто и запахло вкусной едой.

Спустя ещё два месяца однажды за ужином Валя спокойно объявила:

– Я беременна.

Арам окаменел от счастья.

– Что делать будем? – спросила Валя.

– Как что? – очнулся Арам. – Рожать будем.

– Это понятно, что рожать, – улыбнулась Валя, – но я же студент, у меня виза учебная. Об академическом отпуске я договарюсь. Но как бы меня не выперли из Европы в любимый Смоленск.

– Я что-нибудь придумаю, – заявил Арам и умчался куда-то.

И действительно придумал.

Договорился с каким-то вьетнамцем, который женился на Валентине. Естественно, фиктивно. У вьетнамца было чешское гражданство, поэтому будущий ребёнок автоматически становился чехом. А Валя получила вид на жительство. Как член семьи гражданина Чехии. Единственное, что её смущало, так это фамилия ребёнка – Хуинь. Себе она оставила свою фамилию – Добронравова. Несмотря на все уговоры Арама, что для дела лучше всего ей поменять и фамилию.

– Нет, – сказала Валя, – я не буду Хуиновой. Меня мама не поймёт. Она и так не совсем понимает, что у нас тут происходит. А ребёнок потом меняет. Ему, маленькому, всё равно, какая у него фамилия.

– Хорошо, – ответил Арам, – моя будущая жена тоже не хочет менять фамилию на армянскую. Останется Немцовой.

Себе Арам для фиктивного брака нашёл чешку. Удивительно похожую на него. Такую же чёрненькую, небольшого роста, подвижную и суетливую. От Арама она отличалась на-

личием груди пятого размера и финансовыми проблемами.

Расписались с интервалом в две недели. В Праге 13 в здании нового магистрата. После чего Арам отвёз часть своих вещей в квартиру фиктивной супруги, чтобы создать видимость присутствия в доме. В их же съёмной квартире на стене появилась карта Вьетнама и кое-какие вещи, якобы принадлежащие Валиному мужу.

С проверкой к Арамовой чешке приходили два раза. Первый раз позвонили Араму и спросили, удобно ли будет, если они придут с проверкой в среду утром. Обалдевший Арам ответил: да, удобно. Пришли двое, написали какую-то бумагу, что муж и жена живут вместе и ушли. Правда, ходили по подъезду и спрашивали про новобрачных. Но народ в основном был на работе, а остальные жители подъезда про счастливую семейную пару ничего толком рассказать не смогли.

Арам понял свой прокол и спустя пару дней с криками «курва» погонял Немцову по двору на потеху всему дому. Немцова за публичное унижение взяла коробку конфет и тысячу крон.

Второй раз проверка пришла в четверг вечером. Арам в этот момент бегал трусцой по парку в районе Лужин. В одних спортивных трусах и майке. Телефон болтался на шее на шнурке. Получив от «любимой» жены смс «у нас проверка, я сказала, ты пошёл за пивом», он по-спринтерски рванул в ближайший магазин. Ближайшим магазином оказалась

русская Калинка. С одной стороны, это было хорошо. Потому что пиво ему дали в долг. С другой стороны, пиво там было только русское.

Но как бы там ни было, в квартиру к Немцовой Арам ввалился с полдюжиной бутылок «Балтики» через 10 минут после получения смс.

Ввалился. Игриво шлёпнул законную супружницу по заднице и предложил пива проверяющим. Те от него отказались. Немцова от хлопка по филейной части вздрогнула. Покосилась на Арама.

– Люблю я этого русского, – сказала томно, обращаясь к проверяющим.

Те вежливо улыбнулись и сели заполнять протокол проверки. Заполнили. Откланялись.

Хотел откланяться и Арам, но Немцова преградила ему путь из квартиры.

– А как же супружеский долг? – спросила, поправляя причёску и колыхая грудью в узком коридоре.

Арам покосился на волнующийся под майкой бюст своей чешской супруги, бочком протиснулся к двери.

– Я другую люблю, – сказал твёрдо.

И ушёл. Забыв пиво. Которое Немцова тут же выпила от огорчения. Наутро у неё раскалывалась голова, и она проклинала и верных русских мужчин, и злой русский напиток, по недоразумению названный пивом.

Проверка же к Вале от госорганов не дошла. Точнее, до-

шла, но только до дверей подъезда. Рядом с дверью располагался маленький продуктовый магазин, который принадлежал вьетнамцам. Проверяющий почему-то решил, что это именно тот вьетнамец, который ему нужен. Тем более в подсобке находилась украинская уборщица, которую чиновник принял за Валю. Зашёл в магазин, предъявил документы. Достал бумагу и начал писать протокол. Вьетнамский продавец плохо понимал по-чешски, поэтому на все вопросы отвечал честно: «Да».

– Ваша жена Валентина Добронравова?

– Да.

– Вы живёте вместе?

– Да.

– У вас есть совместные дети?

– Да.

– Вы ведёте совместное хозяйство?

– Да.

После заполнения протокола проверки удовлетворённый чиновник поблагодарил запуганного продавца, кивнул в сторону подсобки затихарившейся уборщице, у которой была просрочена виза, и с чувством выполненного долга отбыл.

Зимой Валя родила девочку в роддоме в Подоли. Назвали Зарой, в честь бабушки Арама. Зара Хуинова, гражданка Чехии. Но, несмотря на эту мелочь, Арам был счастлив. Настолько счастлив, что через полгода Валя опять забеременела.

Она сообщила об этом Араму в один из августовских вечеров и добавила:

– Что будем делать? Нам и так тесно в двушке.

– Я что-нибудь придумаю, – сказал Арам.

И придумал. Занял немного денег и к зиме купил трёхкомнатную квартиру. В панельном доме. Но зато с шикарнейшим видом из окон. На парк.

К этому времени Валентина получила гражданство. Подала на развод. А развод в Чехии дело небыстрое. Пока его ждали, родила ещё одну девочку. Нано. Всё с той же неприличной фамилией.

К этому времени и Арам получил гражданство. И также подал на развод. Немцова было заупрямилась. Она каким-то образом узнала про квартиру, которую Арам купил для своей настоящей семьи. Но он показал ей договор о раздельном имуществе супругов, составленный перед бракосочетанием, и Немцова согласилась на развод и на отсутствие претензий со своей стороны.

Итак. Гражданство получили оба. Оба в разводе. Плюс двое детей и трёхкомнатная квартира, записанная на Арама. Что бы в этом случае сделал нормальный человек? Правильно. Женится бы. Девочек бы удочерил. Тем более, они как две капли воды были похожи на Арама. И зажила бы новая семья дружно и счастливо.

Это нормальный человек. Но только не Арам. Арам сдал Валентине свою квартиру. Да. Сдал квартиру в аренду Доб-

ронравовой Валентине и двум её дочерям. Официально она считалась матерью-одиночкой. Поэтому получала неплохие пособия на двух девочек, и чешское государство оплачивало ей снимаемую квартиру. Валентина только спросила:

– А это законно?

– Законно, – ответил Арам, – я с адвокатом консультировался. Грамотная тётка. Анна зовут.

– Ну, раз законно, тогда ладно, – махнула Валя рукой на очередную Арамову аферу.

Прожили так почти год. Арам пропадал на работе, создавая изумительные по красоте ювелирные изделия. Вечером спешил домой. Валя занималась детьми, параллельно умудряясь учиться в институте. Она немного прибавила в весе, стала ещё более спокойной и рассудительной. Дочки её обожали. Как и своего неугомонного отца.

В тот вечер Арам пришёл с работы грязный. У машины прокололось колесо, и ему пришлось менять его под осенним дождиком. Разделся. Набрал полную ванну горячей воды. Лёг. В это время раздался звонок в дверь. Валя заглянула в ванную и шепнула: «Контроль из социалки, сиди и даже не дыши».

И выключила свет в ванной. Арам замер, боясь шевельнуться.

Две дамы из социальной службы пришли к матери-одиночке Добронравовой Валентине с проверкой. Разулись. Сбросили верхнюю одежду и прошествовали на кухню. Сели

за стол, разложили бумаги. Валя поставила чайник на плиту.

Дамы заполнили нужные формуляры. Сходили в детскую. Умилились на двух девочек, играющих в комнате. Девочки были как две капли воды похожи на Арама. И совсем не похожи на вьетнамок. Но кого это интересует? Дети есть? Есть. Две штуки? Две. Всё. Надо обеспечить детям и матери материальную помощь.

Валентина провела дам обратно в кухню. Усадила за стол. Налила чай. Вытащила зефир с шоколадом и мармелад. Дамы растаяли от такого внимания. Завязался разговор. О том, как трудно одной воспитывать детей. О том, какие мужики пошли. Сделают ребёнка и убегут. Выпили каждая по кружке чая, по второй, по третьей.

– Что она делает? – думал Арам, сидя в стремительно остывающей воде в большой угловой ванне. – Они же в туалет захотят после такого количества чая.

А санузел в квартире был совмещённый. И в нём в настоящее время находился Арам, коченея от остывшей воды в полной темноте. Боясь шевельнуться.

Валя же подливала гостям чай и подкладывала мармелад с зефиром. Тётки вспоминали время, когда они были молодые и строили социализм.

– Ещё чая? – услышал в ванной окончательно окоченевший Арам голос Вали.

– Ой, у вас такой вкусный чай, – одновременно ответили тётки, – давайте ещё по кружечке.

– А, всё равно, пусть заходят, – думал Арам, стараясь не стучать зубами от холода, – литра два каждая выпила этого чая. Наверняка кто-то да захочет отлить. Не резиновые же у них мочевые пузыри. Скажу, что сантехник.

Правда, что делает голый сантехник в тёмной ванной комнате в холодной воде, он придумать не мог. Поэтому принялся разрабатывать другие планы. Например, нырнуть и, пока какая-то из тёток справляет свои надобности, дышать под водой в ванне через трубочку. Но, как назло, под рукой не было трубочки. Был только кусок мыла и мочалка.

– Господи, – шептал Арам, – я отличный ювелир, у меня куча заказчиков. Я очень хорошо зарабатываю. Ну на фига мне была эта история с матерью-одиночкой?

Арам уже был готов встать и пойти на кухню сдать ся. Но в этот самый момент тётки из социалки начали прощаться. Ещё раз прошли мимо санузла в комнату девочек. Ещё раз умилились двум ангелочкам. Вернулись в коридор. Оделись. Обулись. Долго благодарили за чай и угощения.

– Такай вкусный чай, столько много выпили, – вдруг сказала одна из тёток, – что аж в туалет захотелось.

«Твою мать, – выругался обычно никогда не сквернословящий Арам, – и на кой я тут столько времени терпел пытку холодом»?

– Да уже обулись, – подала голос вторая.

– И у нас туалет засорился, – вдруг нашлась Валентина, – сами понимаете, без мужской руки сразу ничего не почи-

нить. Завтра придёт сантехник.

– А куда же вы ходите? – удивились тётки.

– К соседям, – ответила Валя, у нас очень хорошие соседи. Душевные. Всегда нам говорят, что если надо в туалет, заходите.

– Да, хорошие отношения с соседями в наше время редкость, – согласились тётки, – не то, что раньше.

И они ушли. Захлопнулась дверь. Валентина вошла в ванную, включив свет. В мыльной воде лежал синий Арам, щурясь от яркого света лампочки. Валя вытащила мужа, растёрла армянским коньяком. Заставила выпить этого же коньяка. После чего Арам уснул.

Проснулся он с температурой и дикой головной болью. Проболел почти неделю. Валя кормила его куриным бульоном и ставила горчичники. Арам кашлял, сморкался и жаловался на бездушных тёток из социалки, которые сожрали весь мармелад с зефиром и выпили весь коллекционный чай из Шри-Ланки.

Когда Арам выздоровел и окреп, Валентина сообщила ему радостную весть:

– Я беременна.

– Ну, наконец-то мальчик будет, – обрадовался Арам.

– С чего ты взял, что мальчик? – удивилась Валя. – У нас в роду по женской линии всегда только девочки рождаются. Это до седьмого поколения можно проследить.

– Как девочки? – опешил Арам. – А что же ты мне раньше

не сказала?

– А ты не спрашивал, – просто ответила Валя и, прищурившись, спросила: – А дочкам ты не рад, что ли?

– Не говори глупости, женщина, – взвился Арам, – я вас всех люблю. Просто я думал, что мальчик...

– Не, мальчика не будет, – перебила его Валя, – это сто процентов.

Арам посидел в раздумье минут десять, потом махнул рукой и отправился на работу. Зарабатывать деньги на стремительно увеличивающуюся семью.

Через положенное время Валя родила крепкую чёрненькую девочку. Всё в той же больнице в Подоли. На этот раз девочке дали русское имя Саша и фамилию матери. Хотя девочка, как и две её сестрёнки, была вылитая армянка.

Счастливый отец спокойно прожил полгода. На детей чешское государство по-прежнему давало приличные пособия и оплачивало им их же квартиру. А довольно успешная работа Арама как ювелира позволила семье отложить на чёрный день крупную сумму. Но какое-то внутреннее шило, судя по всему, не давало Араму насладиться семейной жизнью.

Однажды вечером, когда Валя уложила детей спать, он сообщил ей, что им надо переехать в США.

– Родственники в Калифорнии расширяют бизнес, – начал Арам, – зовут меня к себе. Это не Чехия. Там совсем другие возможности и совсем другие деньги. Надо ехать.

– И на каком основании ты туда поедешь? – спросила Ва-

ля, заранее уже зная ответ.

– Въеду как турист, – начал Арам, – а там уже родственники договорились с одной женщиной, она за небольшую плату возьмёт меня замуж.

– Женится, – поправила Валя Арама.

– Да какая разница? – отмахнулся Арам. – Главное, что годика через два я получу Грин кард. А там или тебе подыщу жениха, или ещё что-нибудь придумаю.

Валя вздрогнула, услышав знакомое «что-нибудь придумаю».

– Арам, – сказала ему, – у нас с тобой трое детей, три девочки. Которые носят разные фамилии, хоть и похожи на тебя. И мы ни одного дня не были в законном браке. А нам уже не по двадцать лет. Старшей почти десять. Я хочу нормально жить с законным мужем.

– У нас всё будет хорошо, – сказал Арам, – ты тут на пособия поживёшь, а я там подготовлю плацдарм для вашего переезда. И в Америке уже поженимся. Честное слово.

– И свадьба будет? – спросила Валя.

– Шикарнейшая, – кивнул Арам, – и три наших дочки будут нести за тобой фату.

– Тогда езжай, – сказала Валя, – надеюсь, там мы останемся. Я не могу представить, куда дальше после Америки можно ещё податься.

И Арам уехал в Америку. Где женился, быстренько получил разрешение на работу, а спустя некоторое время и Грин

кард. А потом подал на гражданство. Схема была всё та же, что и в Чехии. Только немного дольше по срокам. Гражданство он получил через 4 года после приезда. Развёлся со своей американкой. И позвал к себе Валю с дочками.

Тогда-то я и познакомился с этой чуть полноватой женщиной с длинными волосами, заплетёнными в косы, и с удивительно красивыми глазами. Пахло от неё молоком и свежееиспечённым хлебом. Она была несуетлива, спокойна, уверена в себе. Ей надо было продать квартиру, в которой они жили. На продажу у неё была генеральная доверенность от Арама.

В течение четырёх месяцев продали квартиру. Оформили все документы. И Валя со своими дочерьми улетела в Америку. И пропала.

Объявилась она спустя полгода. Стукнув мне в скайп. Вначале поговорили про здоровье, про погоду. И потом Валентина рассказала мне, что с ними случилось, когда они улетели из Праги.

Летели они через Амстердам. И именно в этом замечательном городе их не посадили на самолёт. Заподозрили в том, что они летят не в турпоездку, а с целью остаться в Америке. Тем более младшая возьми и ляпни: «Мы к папе летим». Хотя этого папу видела только на мониторе компьютера. В общем, ссадили их с рейса.

Валя позвонила Араму. Тот бросил знаменитую фразу про то, что он что-нибудь придумает, и на пару дней взял тайм-аут. И придумал.

Вместо Америки Валя полетела в Мексику. Где позвонила кому надо, и её с детьми отвезли куда надо. А точнее, отвезли на границу. Которую она и перешла. Вместе с небольшой толпой таких же нелегальных беженцев.

На американской территории их арестовали brave штатовские пограничники. И одну ночь с детьми Валя провела в тюрьме. А наутро приехал Арам и забрал их к себе в дом. На плацдарм, который он готовил четыре года.

– Валя, – прервал я её, – ведь это же в голове не укладывается. Граница, тюрьма, мексиканцы. Это же опасно.

– Да ничего страшного, – ответила Валентина, – я же белая. Ко мне с большим уважением все относились. И в тюрьме, и на границе. Нас когда арестовали, не со всеми посадили, а отдельную машину вызвали. Додж. Большой такой. С кондиционером. И детям лимонад дали.

– Ну, а сейчас-то что? – спросил я.

– Арам с адвокатом подали документы. Провели экспертизу ДНК, которая показала, что девочки его родные дочери. И что мы вынуждены были уехать из Чехии, потому что нас там притесняли. Оформили пособие. Ждём, когда мне дадут Грин кард. В общем, всё хорошо.

– Ну что же, – пробормотал я, – удачи вам на новом месте.

– Спасибо, Вадим, – ответила она. – Будете в Калифорнии, обязательно заезжайте в гости.

– Обязательно заеду, – пообещал я и отключился.

Василий

– Но-но, но-но-нон, но. Но-но, но-но-нон, но, – напевала она эту привязавшуюся песенку.

Её компания уже набрала в палатке всё, что хотела, заплатила за какой-то ликёр и шоколад и медленно двигалась нетвёрдыми шагами вдоль по аллее. А она пританцовывала и продолжала напевать, глядя на меня. Я сидел за столиком, пил кофе и ждал брата.

– Танюха, – прокричали из компании, – ты идёшь?

– Нет, – ответила она, на мгновенье прервав свою песенку.

И потом опять заладила: – Но-но, но-но нон, но...

И вдруг, без перехода, мне:

– А я вас знаю. Я вас давно знаю. Вы мне нравитесь. Очень. Вы на меня просто внимания не обращаете, я в соседнем доме живу. Но вы мне нравитесь. Я вас люблю, наверное.

Я осторожно поставил чашку с остатками кофе на столик.

– Девушка. Вы, это, вы просто выпили немного. Вы компанию свою догоняйте.

– Да, я пьяная, – согласилась она, – но трезвая я бы вам не призналась. А вот сейчас признаюсь. Вы мне нравитесь. Я вас хочу. Очень. Хотите меня? Я вас хочу, очень.

Если честно, я обалдел. Не каждый день к тебе подходят молодые девушки и предлагают себя, попутно признаваясь

в любви. Но... не вовремя. Ах как она была не вовремя. У меня тут новые отношения, ухаживания, любовь-морковь. И проводы старой любви, которая не хотела отпускать, цеплялась и рвала сердце на части. Как пишут сейчас в Фейсбуке – всё сложно. Тогда не было Фейсбука. Но было всё так сложно, что просто караул. А тут эта, со своим но-но.

– Но-но, но-но-нон, но, – продолжала она, – а я о вас всё знаю, я за вами давно наблюдаю, и вы мне нравитесь, – и затем совсем нелогичный вопрос:

– А тебя как зовут?

– Хех... Василий, – улыбнулся я, назвавшись именем брата, которого, кстати, и ждал за этим самым столиком уже минут десять. Но этот оболтус, как обычно, опаздывал. Он недавно дембельнулся из ВДВ и к гражданской жизни был мало приспособлен. Всем начинал рассказывать про армию, про голубые береты и прочее, прочее, прочее... Разница между нами была два года, мы были очень похожи, только я постарше и поспокойнее.

– Но-но, но-но-нон, но. Я тебя хочу. Пойдём куда-нибудь, – не унималась девчонка.

– А пойдём. Только быстро, – вдруг сказал я. Решение пришло мгновенно.

– Я быстро не хочу, – пьяно улыбнулась Таня, – я хочу медленно.

– Медленно так медленно, – согласился я, встал, взял её под локоть и повёл в сторону своего офиса.

– Мы куда? – прильнув ко мне, спросила она.

– Ну, не домой же, – отозвался я, – в контору ко мне. Она тут, в соседнем здании, в полуподвале. Там как раз никого нету, пятница, вечер. Только надо тихо себя вести и свет не включать. А то сторож милицию вызовет.

– Я буду как мышка, – захихикала девушка, и опять завела, пританцовывая, – но-но, но-но-нон, но.

Через две минуты мы были около двери моего офиса. Я отключил сигнализацию и открыл дверь. Завёл танцующее чудо в юбке и на ощупь провёл её к кожаному дивану. Она тут же обняла меня и постаралась поцеловать.

– Погоди, – попросил я, – я буквально на пять минут. Надо кой-чего уладить. Ты пока раздевайся и жди меня. Ок?

– Ок. Приходи только быстрее, – попросила она.

Я выскользнул из кабинета, прикрыл дверь и вернулся к столику. Вася уже ждал меня.

– Опаздываешь, – нагло заявил он. Но я не отреагировал, а, сев напротив, внимательно начал его разглядывать.

– Чего? – спросил он.

– Василий, у тебя сколько времени не было секса? – вкрадчиво спросил я.

– Грешно смеяться над больным человеком, – парировал брат. Затем задумался и честно ответил:

– Два года и скока там месяцев. В армии у меня был секс тока с плитой для миномёта. Зато безотказный и по взаимному согласию.

– Стоп, стоп, стоп, – остановил я его. Иначе он опять заведёт свою шарманку про ВДВ и тяжёлые армейские будни. – А хочешь сейчас?

– Чего сейчас? – не понял брат.

– Чего, чего... трахнутья хочешь? С молодой, красивой, правда, немного пьяной девушкой.

Василий озадаченно посмотрел на меня.

– Ты серьёзно?

– Уху, – ответил я и быстренько ввёл его в курс дела. – Только не включай свет и не разговаривай, отвечай односложно: да или нет, – напутствовал я его. Вася, ошалевший от такого предложения, только кивал головой и, как положено, односложно отвечал – аха, да.

Проводив братишку до двери офиса, я вернулся к уже родному столику и принялся ждать. Вернулся он минут через 40. Довольный, как мартовский кот. Улыбка до ушей.

– Ну что? – поинтересовался я.

– Что за девочка? – вопросом на вопрос ответил Вася. И потом, не дожидаясь ответа, начал отчитываться: – Я всё, как ты говорил. Односложно. К ней под бочок. А она! Ух. Горячая штучка. Я офигел. А она... Только это, под конец заминка вышла, – брат потупился.

– Что случилось? – спросил я.

– Да ничего страшного, – продолжал Василий. – Только когда мы закончили, она лежит, мурлычет, как заведенная: но-но-но, и потом вдруг говорит, что она меня очень лю-

бит и называет меня по имени. А я не удержался и спросил: «А откуда ты моё имя знаешь?» Она каааааак вскочила, шторку с окна сорвала, а там фонарь светит. Она вещи в охапку и полуголая на улицу. Красивая...

– Нормальная, – поправил я брата, – тебе сейчас все девушки красивые. А это нормальная. Дурная, правда, и пьяная. Да и не такая и молодая, ближе к тридцатнику.

– Хорошо, – согласился брат. – Нормальная. Но всё равно классная. И страстная. И попка у неё...

– Подробностей не надо, – оборвал я его. – Всё, забыли.

На душе стало как-то погано. Сердце стучало в голове от пятой выпитой за вечер кружки кофе. Вечер медленно превращался в ночь. Становилось всё темнее и темнее. Всё тише и тише. Но всё равно казалось, что где-то там за углом звучит надоевшая песня: но-но, но-но-нон, но... но-но, но-но-нон, но...

Галина

Отец у Гали погиб, когда ей было всего 12 лет. Пьяный попал под электричку. Пил он много. Периодически устраивая пьяные дебоши. Мать с дочерьми в этом случае пряталась у соседей.

Когда отец был трезв, он дарил детям и жене подарки. Был ласков и щедр. Играл с дочками, приносил цветы жене. До следующего запоя.

Тем декабрьским вечером он возвращался домой после получения зарплаты. Часть которой с друзьями благополучно потратил в местной пивнушке. Оступился на заледенелой платформе и свалился под приближающийся поезд. Его разрезало пополам...

На кладбище было ветрено. И очень и очень холодно. До обморока.

Закрытый гроб положили в яму. И затем наспех забросали землёй, смешанной со снегом и льдом.

На поминках, чтобы хоть как-то согреть детей, Гале и её сестре налили горячего вина.

Галя выпила. Напиток приятно разлился по желудку. Тепло поползло по замёрзшим частям тела. Ещё глоток. Ещё. Так и прикончила огромную кружку. И тут же уснула. И даже не почувствовала, как мать раздела её и уложила спать.

Галя закончила школу. Потом местное ПТУ. После кото-

рого вышла замуж за паренька с соседней улицы. За Анатолия. Он как раз пришёл из армии. Красивый, взрослый. С медальками и значками на кителе.

Сыграли свадьбу. После которой через положенное время родился мальчик, а ещё через год девочка. Мальчика назвали Игорем, а девочку Леся.

Всё было хорошо. За одним исключением. Муж пил. По пятницам после работы набирался с друзьями. По субботам опохмелялся.

Галина с ужасом видела, что повторяет судьбу своей матери.

До рукоприкладства не доходило. Потому что Галя, едва заметив пьяного мужа, сразу же старалась исчезнуть из его поля зрения. Уходила с детьми к маме или к подругам. За что, собственно, и получила первую затрещину от любимого.

– Ещё раз руку на меня поднимешь, уйду, – предупредила.

– А ты из дома не бегай, шалава, – пьяно пробурчал Анатолий.

Но руки распускать перестал. На целых три года.

А через три года случилось следующее. Анатолий перед своим отпуском съездил с приятелями на рыбалку. Откуда вернулся без рыбы, но злой и помятый. И с перегаром.

Похмелился. Пивком. Добавил водочки. А потом на невинное предложение жены покушать супчика избил её так, что она еле уползла с зарёванными детьми к соседям.

Утром Анатолий проснулся. С удивлением поглядел на разбитые кулаки и уехал в отпуск. К маме.

Когда он вернулся, ни жены, ни детей в квартире не было.

За месяц Галина успела познакомиться с холостым командированным из соседней области, закрутила с ним роман и переехала к нему жить. Забрав с собой детей.

Развод оформили через полгода.

Второй муж, конечно же, тоже выпивал. Но редко и понемногу. И без драк. Об этом Галя его сразу предупредила.

Дети ко второму мужу привыкли быстро. Семейная жизнь потихоньку наладилась.

А на переломе веков все они переехали в Прагу. Вдруг собрались и переехали. Чтобы начать новую жизнь.

И начали. Выучили язык. Открыли бизнес. Дети пошли в школу. Были, конечно же, и трудности. Но было много хорошего. Разного.

Так Галя и дожила до 42 лет. Тихо и спокойно. Пока не произошёл этот случай, перевернувший всю её жизнь.

Однажды на обычном осмотре у гинеколога врач сказала, что ей не нравятся анализы Галины. И предложила сделать биопсию. Чтобы развеять сомнения.

Развеять так развеять. Сделали биопсию. Анализы были готовы как раз накануне Рождества. И анализы неутешительные.

– У вас рак, – сказала ей гинеколог, – в начальной стадии, судя по всему. Лечится. Процент выздоровления очень ве-

лик.

Домой Галина шла как в тумане. В голове стучала одна только мысль: это всё, конец. Слова про «лечится» почему-то не воспринимались серьёзно.

Дома никого не было. Муж на работе. Старший сын жил отдельно. А дочка с подругами укатила на рождественские каникулы в горы.

Галя послонялась по квартире. Попереставляла посуду в шкафу. Попила чаю. Её знобило. И было холодно. Как много лет назад, на похоронах отца.

Галя нашла в посудном шкафу початую бутылку Бехеровки. Налила себе рюмку. Выпила. Алкоголь приятным теплом разлился по жилам. Выпила ещё. Ещё рюмочку. Бутылку она прикончила за 20 минут.

Стало тепло. И спокойно.

Мужу она рассказала о болезни только 31 декабря. Уж очень он был весёлый. Шутил, смеялся. Не замечая настроения Галины.

Вот она ему и сообщила. Прямо перед праздничным столом.

Новый год встретили с похоронным настроением. Весёлость исчезла. Муж пытался ободрить Галю, но ему это плохо удавалось. Что делать в таких случаях, он не знал. Поэтому они послушали по телевизору бой курантов и, не дожидаясь начала чешского Нового года, легли спать.

А 1 января вечером раздался телефонный звонок. Звони-

ла Галин гинеколог. Попросила прийти на следующий день в 9 утра на приём. Что-то срочное. Но что именно, гинеколог не сказала.

С дурными предчувствиями Галя к 9 утра приехала в полупустую больницу. Поднялась на второй этаж. Стукнулась в кабинет.

Дверь ей открыла медсестра с заплаканными глазами. Галя вошла внутрь комнаты. Сестра выскользнул наружу.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала гинеколог, – и не волнуйтесь.

Галя присела на краешек стула.

– Произошла чудовищная ошибка, – продолжила врач, – моя помощница перепутала результаты анализов. И она будет уволена. Дело в том, что у меня две пациентки с одной и той же фамилией.

– Подождите, как перепутала? – перебила Галя гинеколога. – У вас в чешской больнице много пациентов с фамилией Иванова? Как можно перепутать анализы?

– Не сами анализы, а результаты, – поморщилась врач, – и да, у меня две пациентки с фамилией Иванова. И даже имена у вас почти одинаковые. Вас зовут Галина. А другую женщину Алина. Она на пять лет вас старше.

– Этого не может быть, так не бывает, – прошептала Галя, – такие совпадения просто невозможны.

– К сожалению, бывает, – вздохнула гинеколог, – сестричка у нас новенькая. В русских именах и фамилиях не разби-

рается. Вот и положила результаты не в ту папку, с той же фамилией. А меня накануне Нового года начали грызть сомнения. Что-то мне не давало покоя. Я бросила отпуск и первого числа поехала в больницу. И оказалась права. Извините нас, пожалуйста.

– Погодите, – Галя прервала поток извинений, – а что тогда у меня? Я больна раком или нет?

– Вы абсолютно здоровы, – быстро заговорила гинеколог, – абсолютно. Кровь в норме и другие показатели. Гормональный фон...

– Я здорова? – опять прервала её Галя. Её трясло. Стало очень холодно.

– Да, – кивнула головой врач.

Галя поднялась со стула. Не прощаясь, вышла из кабинета. Спустилась вниз. На первом этаже купила маленькую бутылку Фернета. Дешёвого чешского ликёра. Выпила его уже на улице, за углом. В три глотка. Стало теплее.

Дома она рассказала мужу про посещение врача и про то, что она здорова. Тот очень обрадовался. Затормошил. Куда-то убежал. Вернулся с букетом цветов и шампанским.

А Галя смотрела на него и думала: «Я могла умереть». И вспоминала похороны отца. Замёрзшие комки земли. Иней на кладбищенской ограде. И холодный ветер. Пронизывающий до самых костей.

После известия о мнимой болезни внутри неё что-то сломалось. Она стала злее. Замкнулась в себе.

И ещё она стала выпивать.

Раз или два раза в неделю. Пока муж был на работе. По половине бутылки за раз или даже целую. Предпочитала ликёры. Они прогоняли холод. И ей становилось тепло. И спокойно.

Запах глушила жевательной резинкой или семечками.

Полупустые недопитые бутылки прятала в шкафу, в своём белье.

Первое время муж ни о чём не догадывался. Лишь отмечал про себя, что Галя иногда себя странно ведёт. Но списывал это на возраст. На приближающийся климакс и на недавнюю психологическую травму своей супруги.

Он даже записал её на приём к психологу. Который стал принимать её по средам. С двенадцати до часу дня. Пропи-сал успокаивающие таблетки.

Галя послушно ходила к доктору. Час рассказывала о своём детстве, о жизни в России и Чехии, о своём муже и о взаимоотношениях в семье.

А после приёма покупала бутылку Фернета и длинными глотками пила горьковатый ликёр. Грелась.

Так прошло чуть больше года. Дочка окончила школу и уехала учиться в другой город. Галя осталась с мужем вдвоём.

Он несколько раз ловил её на пьянстве. Находил полупустые бутылки. Но Галя никогда ни в чём не признавалась.

– Это не моё, – говорила она, – это, наверное, ты не допил

и спрятал. Или дети баловались, когда с нами жили.

И говорила настолько убедительно, что муж и сам начинал верить, что это не она. Что это он случайно бутылку в старое постельное белью завернул.

Но после третьей или четвёртой находки горячительных напитков муж понял, что Галя пьёт. Что она алкоголик, как и её отец.

Он попытался поговорить с женой, взывал к её чувствам и к разуму. Всё было бесполезно.

– Ты на меня наговариваешь, – сердилась она, – ты за чем-то на меня наговариваешь. Лучше скажи, что нашёл другую, а меня разлюбил. А не придумывай истории по то, что я пьяница.

И глаза у неё при этом становились злые-презлые. Муж тушевался и замолкал.

Он не знал, что делать. Не знал.

– Пожалуйста, – просил он, – не пей. Не променяй 20 лет нашего счастливого брака на бутылку. Не надо.

Закончилось всё, как в плохом анекдоте. Накануне восьмого марта. Муж уехал в командировку. На три дня. Но получилось вернуться раньше.

Около десяти часов вечера он припарковался у дома. Вошёл в квартиру с букетом цветов. Было темно. Свет был погашен во всех комнатах.

Стояла какая-то нехорошая тишина. Как будто в квартире никого не было.

Муж зажёл свет в коридоре, прошёл на кухню. Хотел поставить цветы в вазу.

И увидел Галю, лежащую на диване. Она спала.

В комнате пахло перегаром и ещё чем-то сладким. На столе стояли две пустые пол-литровые бутылки Фернета.

Муж положил цветы рядом с бутылками, нагнулся к жене. Начал трясти её за плечо.

– Галя, Галечка, что с тобой?

Но Галя даже не пошевелилась. Она спала. И разбудить её не было никакой возможности.

Муж глубоко втянул в себя воздух. Кроме перегара в кухне пахло мочой. Он задрал помятое платье жены. Трусы у Гали были мокрые. Его любимая женщина описалась во сне. После выпитого литра крепкого ликёра.

Муж одёрнул платье на место. Пошёл в ванную. Где долго мыл руки с мылом.

Лёг спать. Один.

Галя проснулась на следующий день поздно. Подняла своё затёкшее тело и потащила его в ванную. Помылась. Выпила таблетку аспирина. Когда вернулась на кухню в свежей одежде, но с помятым лицом, её там ждал муж.

– Я ухожу от тебя, – сказал он ей, – я тебя разлюбил этой ночью.

– Я болею, – ответила Галина, – я тяжело больна, у меня рак.

– У тебя не рак, – возразил ей муж, – у тебя другая бо-

лезнь. Наследственная.

– Я болею, – опять повторила Галя, – мне плохо. Давай поговорим потом. Когда я вылечусь.

– Потом не будет, – сказал муж, – я уйду.

И он ушёл. Собрал вещи и ушёл.

Потому что он не смог больше с жить с Галей. Глядя на неё, он видел теперь только мокрые трусы. И кроме брезгливости ничего не испытывал к бывшей жене.

Галина осталась одна. Первое время она радовалась своей свободе. И что она рассталась с мужем-самодуром. И что может делать что хочет.

Она взяла себя в руки. Пить стала реже. Раз в месяц, иногда два раза. При этом запираясь в квартире на ключ. Чтобы больше никто не увидел её в непотребном виде.

Внезапно стало не хватать денег. Пришлось идти работать продавщицей. Сидеть на кассе и пробивать продукты в супермаркете.

– Тюк-тюк, тюк-тюк, – щёлкал сканер штрих-кода. – тюк-тюк...

Два дня в неделю выходные. Первое время Галя старалась выбираться на природу. Съездить в другие города на экскурсии. Но потом это стало лень делать. Выходные она проводила дома. Вместе с бутылкой любимого Фернета. А где выпивка, там и сигарета. Галя начала курить.

Так она и прожила пять лет в одиночестве. Иногда в её жизни появлялись мужчины. Но ненадолго. Кому нужна ста-

рая и злая женщина с вредными привычками? Никому.

Однажды на работе ей стало плохо. Вызвали скорую помощь. Увезли в больницу.

Там она сдала анализы. И спустя несколько дней молодой доктор сказал ей: «У вас рак».

– Вы издеваетесь? – устало произнесла Галя. – У меня уже был такой диагноз. Рак матки. И ставили его в этой же больнице.

– Я знаю эту историю про двух пациенток с одинаковыми фамилиями и именами, – ответил врач, – но сейчас это действительно ваш диагноз. У вас рак желудка. И печень в критическом состоянии.

– Хорошо, – согласилась Галина, – давайте лечиться. Я не хочу умирать.

Она и правда не хотела умирать. Хотя была совсем одна. Никому не нужная.

Продержалась она почти два месяца. Но с началом химиотерапии не выдержала. Не выдержала болей от инъекций.

Купила бутылку. Заперлась дома, в комнате. И выпила её всю.

Но ожидаемого эффекта не получилось. Никакой расслабленности и эйфории. Боль только усилилась. Она стала невыносимой.

Галина каталась по полу и кричала от этой одуряющей боли. А потом боль ушла. Стало легко и приятно.

Она умылась. Выпила ещё рюмочку. Алкоголь приятным

теплом разлился по больному желудку.

Галя достала пачку сигарет. Распечатала. Закурила. Улеглась на диване. Включила телевизор.

Показывали какую-то мелодраму. Про любовь и измены. Про красивую жизнь. На экране молодые актёры пили вино, флиртовали, признавались в любви друг другу.

Галя выпила ещё рюмочку. Последнюю, как она решила, на сегодня. Закурила очередную сигарету. Устроилась поудобнее.

Она и сама не заметила, как задремала под тихий шёпот телевизора. Недокуренная сигарета выпала из её рук на диван. Прожгла дыру. Вата, которой был наполнен диван, начала тлеть. Струйки дыма постепенно окутали всю комнату.

Гале снилось, что она идёт с папой куда-то. Зима, темно. Ей холодно. Она держит отцовскую руку и идёт вслед за ним. Сквозь снег. Где-то гудит поезд. Мимо проносятся вагоны, грохоча на стыках. От паровоза идёт густой дым, который забивает горло. А папа всё тащит и тащит её куда-то. Где темно и страшно.

Она так и умерла. Во сне. От удушья.

Одна. В закрытой квартире.

Зденка

– Жениться тебе надо, барин, – высказалась Елена, выслушав короткое содержание моей жизни за последние пять месяцев.

Сидевший рядом с ней её муж Гонза одобрительно кивнул – надо.

С Леной я был знаком давно. Лет 12—15. Виделись мы раз в полгода, так как жили в разных частях города. При встречах делились новостями, обещали встречаться чаще и снова разбегались. Иногда созванивались. В последнее время вместо телефонов использовали «Фейсбук». В общем, старые приятели. У которых нет друг от друга секретов.

Елена четвёртый год была замужем за Гонзой. Весёлым, слегка заикающимся чехом с татуированными руками. По-русски Гонза не говорил, но понимать понимал. Из богатейшего русского языка он почему-то выучил всего три слова, и то матерных. И вставлял их в разной последовательности в разговоры. Елена пыталась объяснить своему мужу-полиглоту, что это не совсем прилично, а точнее говоря, совсем не прилично. Но Гонза делал вид, что не понимает выдвигаемых претензий, и отвечал: «Ты же меня сама научила».

Самый курьёзный случай произошёл в Объединённых Арабских Эмиратах в прошлом году, когда однажды вечером Елена с мужем посетила какой-то очень модный ресто-

ран в Дубаях. Когда они зашли в зал, Гонза окинул взглядом шикарное заведение общественного питания и кромко заявил:

– Сука, блядь, пидорасы.

В ресторане повисла тишина. Почти вся мужская половина посетителей перестала есть и выжидательно уставилась на Гонзу. Как потом рассказывала Елена:

– Я поняла, что русских за границей не просто много, а очень много.

А Гонза улыбнулся всей своей лучезарной улыбкой и, повернувшись к застывшей супруге, спросил уже на своём родном языке:

– Куда сядем, дорогая?

«Послышалось», – прошелестело над столиками.

Лена на полусогнутых, нарочито громко говоря на чешском, села за столик. А вечером в номере устроила мужу скандал, результатом которого стала договорённость, что свои лингвистические способности Гонза будет проявлять только дома. А на публике они будут общаться только на чешском языке. На этом и порешили.

Эту весёлую историю я услышал в начале нашего вечернего разговора. Потом поведал свою. Менее весёлую. И услышал в ответ фразу из моего любимого фильма «Формула любви».

– Не хочу я жениться, – ответил я, – чё-то не срастается у меня с тётками. Не везёт.

– Мож, не там ищешь? – спросила Елена.

– А у тебя что, рыбные места в глубинке есть, где выращивают девок исключительно по «Домострою»? – вопросом на вопрос ответил я.

– Да при чём тут «Домострой»? – сказала Елена. – Я имею в виду, что не в той среде ищешь. Тебе надо среди чешок себе девушку завести. Они попроще, без наших вот этих русских прибабасов.

– Ну не знаю, – протянул я, – я как-то тока с нашими встречался. Опыта с иностранками не имею.

– А что там иметь-то? – удивилась Елена. – Всё то же самое. Ноги, сиськи, попа. Баба, она и в Чехии баба.

– Блядь, сука, пидорасы, – подтвердил Гонза.

– Тем более что у меня на примете есть одна знакомая. Замуж хочет. Детей нет, – продолжала Елена, покосившись на мужа. – Недавно была у нас в гостях, жаловалась на одиночество и нерастраченную любовь.

– Кто такая, почему не знаю? – заинтересовался я.

– Знакомая Гонзы, – отчиталась Лена, – в одном дворе росли. Менеджером в фармацевтической компании работает. Своя квартира, машина. Симпатичная. Готовить любит.

– Странно, с такими достоинствами и на свободе, – недоверчиво протянул я, – а фармацевтическая фирма, случайно, не «Пфайзер»? А то у меня сильная неприязнь к этой фирме.

– Да мужики ей что-то сплошные козлы попадаются. Она понарасказывала, караул. То импотент, то аферист попадётся.

ся. Не везёт по жизни человеку. А насчёт фирмы не помню. Может, и «Пфайзер».

– А давай попробуем, – махнул я рукой, – фотки есть? Мож, действительно мне с чешкой повезёт.

– Сука, бля ... – начал было Гонза.

– Заткнись, милый, – оборвала его Елена, – у нас серьёзный разговор, а ты опять свою шарманку включил.

Гонза обиженно замолчал.

А я допил чай, распрощался и отбыл домой. Холостяковать.

На следующий день Лена сбросила мне на почту фотографии Зденки. Жгучая брюнетка. Спортивная фигура. Черты лица немного грубоваты. Но в целом очень даже симпатичная и интересная дама.

Написал о своём впечатлении Елене. Получил в ответ СМС: «Я твои фотки ей показала. Ты ей понравился».

«Ну, раз понравился, – решил я, – значит, надо знакомиться». Договорились на ближайшую пятницу у Гонзы с Еленой дома.

Но знакомства не получилось, потому что накануне Зденка попала в аварию. В её чёрную «Мазду» воткнулась «Шкода Фаворит» на перекрёстке с пьяным в хлам украинцем. Результат – открытый перелом левой руки и ушиб лица.

Услышав эту безрадостную новость по телефону, я тут же предложил навестить бедную женщину. Но Елена это сразу же отвергла.

– Ты с ума сошёл? – сказала она. – у Зденки на пол-лица синяк. Какое знакомиться?

– Да мне-то всё равно, чего там на лице, – промямлил было я, – главное, чтобы человек хороший был.

– Это тебе всё равно, – ответила Лена, – а девушкам не всё равно. Жди выздоровления.

И я стал ждать. Ожидание тянулось медленно. Было лето. Работы почти не было. Отпуск я уже отгулял. Свободного времени валом. Прождав и промучившись три дня, я всё-таки решил действовать. Узнал у Елены, в какой больнице и в какой палате лежит несчастная, поклявшись не попадаться ей на глаза.

Понедельник, 10 утра. Сходил в парикмахерскую. Тщательно побрился. Освежился своим любимым одеколоном от фирмы «Ла Мартина». Оделся в тёмно-синий пьеркарденовский костюм. Под пиджак белую с голубым рубчиком сорочку, привезённую из Афин. На ноги натянул замшевые мокасины, тоже голубого цвета. Глянул на себя в зеркало. Красавчег.

Спустился в гараж. В кладовке лежали три плетёные корзины, сложенные одна в другую по принципу матрёшки. Вытащил самую большую из них. Сел в машину. Доехал до цветочного магазина, где и заполнил корзину белыми ромашками.

Затем я быстренько домчался до Буловки. Старинной больницы на левом берегу Влтавы. Отделение хирургии. Же-

лезный лифт, скрипя, довёз меня до пятого этажа. Чистенькое отделение. Длинный коридор, покрашенный в бежевый цвет. Рядом с входом открытая дверь в сестринскую.

В сестринской на стульях за столом сидели три медсестры и пили чай. Две тоненькие блондинки, завернутые в белые халаты, и толстенькая рыжая деваха с круглым лицом. Я вошёл, остановился в дверях. В руках корзина с цветами. Пауза. И тишина. Про чай все мгновенно забыли.

– Добрый день, – сказал я, – не могли бы вы передать корзинку в 10 палату для Зденки Душковой.

Первой очнулась сидящая ближе ко мне одна из блондинок. Она вскочила и схватила корзинку двумя руками.

– Я передам, – сказала, – а от кого?

– От тайного поклонника, – ляпнул я.

– Ой, как мило, – расцвела блондинка, – а вы сами не хотите передать?

– Я же тайный поклонник, – напомнил я ей.

– Даша, тебе уколы делать, давай я отнесу, – подала голос толстушка.

– Я потом уколы, отнесу цветы и сразу займусь, – сорвалась с места блондинка в сторону 10 палаты.

А я галантно поклонился, сказал «До свидания» и ушёл, оставив после себя только запах дорогого парфюма.

Через пол часа пришло СМС: «Спасибо за цветы. Зденка».

Быстро она меня вычислила. Ответил: «Пожалуйста».

И завязалась у нас переписка через СМС. Про погоду, про житьё-бытьё, про Прагу. Целую неделю переписывались. Перелом у Зденки был сложный, рука заживала медленно, и её не отпускали из больницы домой.

Наступил следующий понедельник. Ровнов в 10 утра сбрил недельную щетину. Оделся, обулся. Вытащил из подвала среднюю корзинку. Но поехал не в цветочный, а в продуктовый. Киви, манго, авокадо, папайя, пара груш, пара банальных бананов, несколько яблок. Получился очень симпатичный и аппетитный натюрморт.

Еду на Буловку. Знакомый лифт. Пятый этаж. Знакомый светлый коридор. Захожу в сестринскую. Всё те же, только без чая. На этот раз расторопнее всех оказывается толстушка, так как сидит ближе всех к двери.

– В 10? Зденке Душковой? От тайного поклонника?

– Да, – улыбаюсь тающей от переполнявших её чувств толстушке.

– Как романтично, – говорит та и уплывает в сторону 10 палаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.